

Игорь Олиневич

**ЕДУ
В МАГАДАН**

Радикальная теория и практика
2013

УДК 329.285
ББК 66

Вёрстка: Александр Книжник
Корректор: Соня Любимова
Художники: Василий Перо, Данила Дугум

Книга выпущена под лицензией
Creative Commons

Attribution Non-commercial Share Alike
(by-nc-sa)

С указанием авторства, некоммерческая,
с сохранением условий

Отпечатано в типографии «Просвет»
в соответствии с оригинал-макетом заказчика.
Формат 70x100/32
Тираж 900 экз.

Издательство «Радикальная теория и практика»
при поддержке Анархического Чёрного Креста

По вопросам сотрудничества
пишите на почту

rtp@riseup.net

Всмысление.
Урок

Эта книга написана моим сыном о том, что происходит сейчас в современной Беларуси, о выборе человека в ситуации между жизнью и смертью, между свободой и пленом, совестью и предательством. Всё, что случилось с ним, произошло в реальной жизни в XXI веке, в считающей себя цивилизованной европейской стране, в преддверии и после президентских выборов 2010 г. Замысел этой книги возник весной 2011 г. во время единственного свидания, которое нам дали в следственном изоляторе КГБ. Общаться можно было с большой оглядкой, но мы с мужем были так счастливы видеть его... Всё, что происходило и происходит с Игорем, очень похоже на ситуацию, описываемую Анатолием Рыбаковым в книге «Дети Арбата». И хотя Сашу Панкратова арестовали в 1933 году, история, к сожалению, повторяется. Я предложила Игорю написать обо всём, что происходило с ним, чтобы не забыть, чтобы оставить память для истории. Все мы думаем, что беззаконие, беспредел, репрессии никогда не коснутся нас самих и наших близких. И очень важно, чтобы эта ситуация стала достоянием всего общества.

Подробностей его похищения в Москве и заточения в следственном изоляторе КГБ весной 2011 г. я ещё не знала. Только прошёл суд, который показал всю нелепость и неаргументированность обвинений, представленных в адрес его и его товарищей, Николая Дедка и Александра Францкевича. Целая череда подобных судов про-

ходила в то же время. Уже присудили тюремные сроки молодёфронтовцам Дашкевичу и Лобову, кандидатам в президенты Санникову, Уссу, Некляеву, членам их штабов, молодёжным активистам и многим другим сынам беларуского народа. Тюремьы и следственныя изоляторы были переполнены. Почти одновременно вместе с нашим судом проходил процесс над Николаем Статкевичем. Последние суды жестокостью своих приговоров повергли в шок — 6 лет Статкевичу, 8 лет — Игорю. Уже появились кое-какие слухи об условиях содержания в СИЗО КГБ, об избиениях, пытках, жёстком психологическом прессе. Но я старалась отогнать от себя всё, что слышала, не верила, что такое беззаконие, издевательства могли произойти с моим ребенком, которого я родила и воспитывала для того, чтобы он жил счастливой, созидательной и свободной жизнью, а не для того, чтобы служил пушечным мясом для режима.

У меня часто спрашивают, что я испытывала, когда читала дневник моего сына. Я пишу эти строки и, хотя прошло уже два года, при воспоминании об этом у меня опять текут слезы. Конечно, боль. Эта боль вонзается тебе в душу и сердце. И срока давности она не имеет. Эта боль не только за своего сына, за свою семью — эта боль за беларуский народ, за беларускую молодёжь, которая вынуждена совершенно несправедливо отбывать тюремные сроки в страшных нечеловеческих условиях, эмигрировать из своей страны, скрываться, подвергаться унижениям и избиениям только за то, что она хотела лучшей, свободной жизни для своего народа. История повторяется. Пытаясь сохранить власть, режим уничтожает будущее страны. В то же время я испытываю гордость за то, что

я смогла воспитать такого достойного человека, как мой сын. Перед лицом смертельной опасности, оставшись в полной изоляции без всякой поддержки извне, он сумел остаться верен себе, той системе ценностей, которую усвоил. И не только он. Декабрьские события 2010 г. показали, сколько достойных людей живет в Беларуси. Они могут причислять себя к разным слоям гражданского общества, к разным партиям и движениям, они могут смотреть в разные стороны, но в них бьётся одно сердце. Это сердце мужественных, честных, искренних патриотов, сохранивших свой ум, честь и совесть и не пошедших на сотрудничество с репрессивным режимом. Игорь, как и все политические заключённые Беларуси, оказался более уважаемым человеком, чем те, которые оказались в стаде быков, топчущих нашу страну.

Когда Игорю было 16 лет, я ему подарила стихотворение Р. Киплинга. Я хотела, чтобы на пороге вступления во взрослую жизнь он усвоил истины, важные для настоящего человека. Послала я ему это стихотворение и перед судом, чтобы поддержать его, чтобы он понял, что мир существует, что человеческие ценности остаются всегда и везде. Даже тогда, когда кажется, что мир рухнул и ты остался один на один со страшным драконом.

Как мать, я ответственна за то, какую жизнь мы уготовили своим детям. Как мать, я горжусь тем, что воспитала сына, который остался Человеком.

Валентина Олиневич

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя наперекор Вселенной
И маловерным — отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди не уставая,
Пусть лгут лжецы — не снисходи до них:
Умей прощать и не кажись прощая

Великодушней и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос — лжив;
Останься тих, когда твоё же слово
Калечит плут, чтоб удивлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова

Ты должен всё воссоздавать с основ.
Умей поставить в радостной надежде
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить нервы, сердце, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже всё пусто, всё сгорело,

И только Воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и твёрд с врагами и друзьями,

Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег —
Тогда весь Мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Редьярд Киплинг

Контекст.
Дело анархистов

«Дело белорусских анархистов» было заведено после атаки на представительство Российской Федерации в Минске 30 августа 2010 г., когда никому неизвестная группа «Друзья свободы» бросила несколько бутылок с зажигательной смесью на территорию посольства. Согласно заявлению группы, это была акция солидарности с российскими политическими заключёнными, протест против репрессий в России.

Развитие и итоги этого дела хорошо показывают положение общественно-политического активизма в Беларуси.

Население Беларуси ещё очень неповоротливо в плане отстаивания своих прав и свобод, которые медленно, но верно, сужаются не только при помощи законов, но даже одними директивами президента или публичными заявлениями представителей власти. При этом сознание молодёжи часто ограничено общепринятой аксиомой, гласящей, что от тебя здесь ничто не зависит и всё уже заранее решено — почти 18 лет патернализма Лукашенко вырастили целое поколение. Одновременно нет никакой возможности для публичного политического самовыражения. Абсолютно любая мирная политическая инициатива в Беларуси жестко подавляется: становится невозможным провести легальный пикет или демонстрацию, организовать открытую дискуссию или встречу, задержаниям подвергаются даже посетители концертов. Немудруeno, что при отсутствии какого бы то ни было диалога власти и общества самым решительно на-

строенным активистам отстаивание своих взглядов кажется возможным только путём конфронтации.

На этом фоне аргументы сторонников «партизанской тактики» начали казаться более правильными: во-первых, публичность лишь подставляет активистов под удар, во-вторых, в сложившихся условиях легальная и полулегальная деятельность едва ли выполняют свою задачу привлечения новых людей, в-третьих, влияние мирных инициатив на широкие массы остаётся минимальным. Репрессии властей и инертность масс сработали как вызов к конфронтации. Поэтому 2009 и 2010 гг. были особенно богаты радикальными акциями, ответственность за которые на себя взяли беларуские анархистские группы.

«Отправной точкой» перехода от пикетов и раздач листовок к более заметным действиям стало антивоенное шествие против совместных Российско-Беларуских военных учений, проведённое возле здания Генерального штаба Вооружённых сил в сентябре 2009 г. Обычное шествие с баннерами и лозунгами на этот раз дополнила дымовая шашка, прилетевшая на территорию Генштаба.

После антивоенного шествия стали происходить и другие акции, где использовались не только листовки, баннеры и мегафоны, но и пиротехника, и коктейли Молотова: нападение на казино «Шангри-Ла» в Минске с использованием лампочек с краской и фальш-фаера в знак протеста против массового открытия российских казино в Беларуси после указа, запрещающего казино в России; атака на опорный пункт милиции в Солигорске, приуроченная к единым дням действий против полицейского произвола в Беларуси (в разбитое окно здания был брошен фальш-фаер); атака на Федера-

цию профсоюзов, которая уже давно не отстаивает права трудящихся, а только улаживает конфликты в пользу работодателей; поджог дверей отделения Беларусбанка в Минске в знак протеста против существующей финансовой системы.

Несмотря на использование новых методов, эти акции продолжали носить символический характер — ущерб от них нельзя назвать значительным. Их главный плюс — это медиа-эффект. Однако, пресс-релиз перепечатывали только отдельные оппозиционно-настроенные СМИ. Официальные же в лучшем случае ограничивались констатацией факта случившегося, в худшем — распространяли свои домыслы и суждения, выставляющие анархистов немотивированными агрессорами и безмозглыми хулиганами, что вообще является характерной реакцией для государственных СМИ на любую оппозиционную деятельность в Беларуси.

Состоявшаяся 30 августа 2010 г. атака коктейлями Молотова на российское посольство, в результате которой был повреждён служебный автомобиль, явилась поводом для начала репрессий, обрушившихся на беларуское либертарное движение.

Осенью 2010 г. было допрошено более 150 человек, 19 человек было задержано в качестве подозреваемых; пятерых из них впоследствии осудили за участие в вышеупомянутых акциях прямого действия — это Игорь Олиневич (8 лет лишения свободы), Николай Дедок (4,5 года лишения свободы), Александр Францкевич (3 года лишения свободы), Максим Веткин (4 года ограничения свободы) и Евгений Силивончик (1,5 года ограничения свободы).

Во время их содержания под стражей происходит ещё одна радикальная акция: «Друзья Свобо-

ды» атакуют коктейлями Молотова ворота ИВС¹, где содержатся задержанные. В пресс-релизе они заявляют, что власти захватили не тех людей, и берут на себя ответственность за все радикальные эпизоды, по которым задержаны активисты анархистского движения.

В это же время развивается международная кампания: акции солидарности прокатились по Европе, России, где проводились в основном мирные пикеты, и даже Мексике, где состоялись нападения на банки. Примечательно, что в Беларуси радикальные методы борьбы также нашли своё продолжение. В октябре в знак солидарности был атакован коктейлями Молотова отдел КГБ в Бобруйске. После этой акции были арестованы и осуждены на 7 лет лишения свободы Евгений Васкович, Артем Прокопенко и Павел Сыромолотов.

Игорь Олиневич, Николай Дедок, Александр Францкевич, Евгений Васкович и Артем Прокопенко до сих пор находятся за решеткой. И в то время как оставшиеся в заключении «декабристы»² имеют все шансы в скором времени выйти на свободу (режим вынужден будет освободить некоторых политзаключённых для нормализации отношений с Европой), то для осуждённых по «делу анархистов» эта перспектива не является столь же очевидной.

Сентябрь 2011 г.

А. Жиневич, социолог, общественный активист

¹ Изолятор временного содержания (здесь и далее прим. ред.)

² Декабристы — (зд.) политзаключенные, задержанные после акции протеста против фальсификации выборов 19 декабря 2010 г. и осужденные за участие и организацию массовых беспорядков. На данный момент большинство из осужденных помилованы президентом Беларуси. Те, кто упорно отказывается подписать прошение о помиловании, остаются за решеткой.

Ey b Marash

28 ноября 2010 года, Москва, кафе торгового центра «У Горбушки», 14.45 на часах. От бессонной ночи слипаются глаза. Толпы людей, суета, озабоченные лица. В каждом втором мерещится сотрудник, например, в этих троих в черных куртках на сложных мордах. Дима сидит напротив. Смеёмся от собственной паранойи. Ночью пришло предложение от Буратино (он же Лаптёнок Антон) встретиться. В душе настойчивое желание отказаться, ведь мы знаем, что он — предатель. Но это необходимо. Дима нервничает. По плану, он должен наблюдать в бинокль за встречаей, но он изначально против всей этой затеи. Конечно, Дима прав. И место, и план должны быть продуманы лучше, но три месяца в бегах притупляют чувство опасности, и так не хочется думать, что этот тоже предал. Я должен успеть срисовать агентов во время встречи и дать по тапкам, попутно залив газом морду «казачка». Поздно что-либо менять. Уже время, пора выдвигаться.

Выходим из комплекса — со всех сторон метнулись четыре тени, схватив под руки. Я не удивился, ни один мускул не дрогнул. Дима отпрыгнул в сторону и бросился наутёк. Случайный прохожий ставит ему подножку, но, к счастью, безуспешно. Страна рабов, страна господ.

Один из men in black³ успокаивает: «Это мы вашим помогаем». Хм, эти «наши» — ваши, а не наши. Звякнули браслеты, запихнули в машину, шмон по карманам, мобила, кошелёк, плеер. За часа полтора до встречи я включил телефон, с которого звонил Буре. Думал, что в людном месте не успеют найти или не будут искать вовсе, чтобы не рисковать. Дурацкая ошибка... Шапка на глаза; одна машина, затем другая, между собой люди в черном — фсбшники — не переговариваются, пишут текст на телефоне и передают друг другу. Пара остановок в туалет, смотришь на поле, лес, и кажется, что это сон...

... Граница с Беларусью. Голову втапливают в пол, значит операция — нелегальная. Передача местным в бусик⁴. Московские говорят:

— Больше такой хуйни не подкидывайте.

— Конечно, за нами долг, мужики, — отвечают тутэйшыя⁵.

Трогаемся. Начинают с угроз:

— Ты понял, что сказать надо? Или заедем в одно место для разъяснений?

— Да понял-понял, — отвечаю я, — чего уж тут... Ага, как же. Не копаться в памяти, не сожалеть, считать секунды, успокаивать нервы. Нужно мобилизоваться, сосредоточиться на одной истине: «Не верь, не бойся, не проси...»

— Уже 20.30, заезжай.

Лязгнули ворота, машина заехала. На глазах по-прежнему шапка. Я полностью дезориентирован. Заводят в кабинет, сажают на стул, лицом в стол, на шею опускается ребро чьей-то ладони. Впереди самая долгая ночь в моей жизни...

3 Люди в черном (англ.)

4 Бусик (от англ. bus — автобус) — микроавтобус (разг.)

5 Местные (бел.)

— Игорь, давай поговорим с тобой как человек с человеком, — раздался голос напротив.

— В таком положении люди не разговаривают, — я сам удивился своему голосу.

Видимо, они не ожидали сопротивления и на некоторое время замешкались. Это придало мне уверенности. Затем приступили:

— Мы всё знаем, говори, признавайся!

— Не знаю, не был.

— Тебя уже все сдали, чего отнекиваться?

Мучает лишь один вопрос: Дима ушел или всё же взяли позже? Но как это узнать?

— А что Дима? Даёт показания?

— Какой Дима? Ты имеешь в виду Дубовского?

Ясно! Не взяли! Значит, всё не так уже плохо.

— Какие новости в Интернете? Никого не похитили? Плохо работаете. О вашем «казачке» было известно заранее. Мы подготовились.

Открылась дверь, кто-то сказал:

— Действительно, уже висит на сайте.

Повисла неловкая пауза. Похоже, им было обидно признать, что в руках находились оба. Все, а их было трое или четверо, вышли. С сердца как камень свалился: Димон на воле, не растерялся, а Буратино вскрыт подчистую. Теперь предстоит пережить дознание. Побывав как-то на семинаре с участием Маркелова⁶ (земля ему пухом), я усвоил твердо: никаких признаний! Именно на показаниях, данных в первые дни, как правило, строятся дела.

Вернулись дознаватели.

6 Маркелов Станислав Юрьевич (1974–2009 гг.) — российский адвокат, правозащитник, президент Института верховенства права, сотрудник Института «Коллективное действие». Убит нацистами в 2009 г.

— Ты наивен. Ты думаешь, у тебя есть друзья? Тебя все предали, а ты подозревал не того!

Но я уже не слушал этот бред. Первое правило — «Не верь!». Всё, что они говорят — ложь, полуправда. А если и правда, то с целью дальнейших манипуляций. Методика была проста: начинали с одного эпизода, но, как только получали отпор, переходили к другому. Генштаб... Казино... Билборды... Профсоюзы... Банк... Посольство... ИВС... Банк... Казино... И так до бесконечности.

Брали измором. Я засыпал и просыпался много раз — как только чувствовали усталость, сразу усиливали давление. В ход шло всё: угрозы, лесть, шантаж, увещевали в бессмысленности борьбы, ставили под сомнение верность товарищей, упор на эгоизм и т.п. Я не знал, сколько времени прошло. Оно перестало существовать. Было неясно, где реальность, а где сон...

«Закинем в хату к скинхэдам! У нас есть специальная скинхата!... Ты — красавчик, таких в тюрьмах любят... Тебя ещё не били нормально... Зачем тебе это? Жил бы как все. Ещё есть возможность!... Ты занимаешься каратэ? Оно ведь иерархично, ты противоречишь своим принципам!... Ты боишься взять, ты — трус!... Ты сядешь. Вопрос решённый. Только вот на пять или десять лет — решать тебе... Я бы дал тебе 12, нет, даже 20 лет... («А я бы тебя расстрелял без вариантов, сука», — думалось мне). Я звоню твоей бабушке. Пусть узнает о тебе всё... Тебе никто не наймет адвоката... Нам нужно знать только одно: кто тебе заплатил?...»

Я включался только, чтобы сказать «Не знаю, не был», и вновь уходил в беспамятство. Второе правило гласит: «Не бойся». Как правило, они блефуют. Но даже если нет, то только так можно уз-

нать, выдержишь ты или нет. Кто испугался — уже побежден. Стоит показать страх — и ты на крючке, из тебя вытянут всё.

На некоторое время сняли шапку. За столом сидел только один:

— Эх, хороший ты парень. Инженер, здоровый образ жизни ведёшь, спортом занимаешься. Нелзя так пропадать. Я же и сам понимаю, что вы очень многое правильно говорите, вот только реализация... А может, ну его всё это?

В течение всего дознания периодически возникало чувство узнавания, что вот это и это я где-то читал. Эта мысль очень отрезвляла, подтверждалось, что всё это — инсценировка. Ведь всё равно возникало ощущение некой оторванности, подсознательно хотелось поверить в их аргументы и тем самым всё прекратить. Психологическая защитная реакция. От неё никуда не деться.

Снова нацепили шапку на глаза. Пришел некто новый. Он не стал всесторонне распрямлять, а со всем внушением, отборными фразами и специфическим тоном стал втирать какое же я типа «ссылко». ... Снова ожидание. Ужасно хотелось пить и подмывало стрельнуть сигаретку. Но я знал, что этого делать нельзя. Любую просьбу нужно ставить в формат требования. Третье правило — «не проси». Любая просьба делает психологический климат мягче, и, может быть, именно этой капли будет достаточно, чтобы перевесить чашу в их пользу.

Сняли шапку, принесли еду. Опера сидят потухшие, исчерпались. Чего-то ждём, очень долго. Через маленькую форточку пробивается свет. Значит, уже день. Вдруг подъём. Снова коридорами, лестницами, коротким переходом по внутреннему дворику, мимо множества кабинетов с табличкой

«Идёт допрос». Заводят к следователю. Тут же адвокат. Всё культурно. Вручается ордер на арест по обвинению в акции у ИВС на Окрестина. Начинается допрос, на часах 16.00. Уже сутки в их лапах. Дознание длилось 19 часов. Наконец-то сняли наручники... Это волшебное ощущение — свободно подвигать руками... Беру на себя дымовуху на Генштабе. Всё равно на видео есть — опознают, да и Миколу лучше разгрузить. Ведь сказали бы, что это его план, а теперь не выйдет. В любом случае, никакой вины.

Обыск. Изъятие вещей, отшмонали берцы, дали какие-то тапки довоенных времен. Уже не выдерживаю, засыпаю прямо на лавке в отстойнике. Поднимают, ведут в большой круглый холл с массивными стенами. Узкая лестница на второй этаж. Ощущение, что попал в некий симбиоз противоядерного бункера и колизея. Горизонтальная решётка закрывает весь проём со второго этажа на первый. В середине — центральный пульт с телефоном. Конвоир ведет меня вдоль дверей, одной за другой, по кругу. В руках у меня матрас, подушка, простыни. Остановка. Открывается дверь № 3, и я захожу в камеру. Никого. Два железных шкафа с жесткими прутьями, два табурета, вмонтированных в стену. Такой же стол. В углу пластиковое ведро с крышкой. На тумбочке стоит поднос: картошка, селёдка, сок. Маленькое окошко за двойной решёткой в виде намордника связывает с внешним миром. Вид на кирпичную стену. Дверь с лязгом захлопывается. Падаю на матрас и моментально проваливаюсь в сон.

Проснулся от того, что в камеру вошёл старший прапорщик и потребовал доклада.

«В камере один человек, писем и заявлений нет, прогулка 1 час. Дежурный по камере Олиневич», — так звучало каждый день.

Тянулись часы... Заняться было решительно нечем. Дикий холод и сквозняк, но закутаться в одеяло нельзя. Для тех, кто попадает сюда без теплых вещей — это пытка. Особенно чувствуется отсутствие обуви. Ноги продувает в любых носках, даже вязаных. Становится лучше, только если укутать стопы в свитер. Но это — мелочи. Самое важное — вокруг постоянная тишина, отсутствует время. Иногда доносятся шаги, скрип наручников, лязг кормушек, «маяковые» уведомляющие удары в дверь, свист и шепот контролёров (они не разговаривали!).

За несколько дней начинаешь ловить и распознавать малейшие звуки. В сутки кормушка открывается несколько раз: завтрак, обед, ужин, лекарства. Дверь открывается 4 раза: утром и вечером в туалет, ещё утром на обход дежурного, один раз на прогулку (если есть). И так месяцами, у некоторых — годами, с круглосуточным люминесцентным освещением.

Полная неизвестность того, где я и что дальше. Часы забрали. Дни смешались... Просыпаешься и засыпаешь, не зная, ни как долго спал, ни времени суток.

Что такое сознание арестанта в первые дни? Это — разыгравшееся воображение под катализатором подсознательного животного страха. Лишь постоянные физические упражнения возвращали в чувство реальности. Изоляция... Каково это? Жизнь человека сплетается из тысячи социальных нитей: общение, обязательства, планы, отношения, работа, даже салат в холодильнике — всё имеет ниточку в нашем сознании. И в один миг ты начинаешь соскальзывать с этого прочного настила. Не сразу, а постепенно. Внезапно вспоминаешь о каких-то делах, от более оперативных к менее срочным, разум начинает как бы содрогаться, метаться — желает что-то предпринять. Ты пытаешься ухватиться за нити, не упустить, как-то увязать по-новому, но вместо этого теряешь одну за другой все и падаешь в бездну пустоты. Это ещё не самое страшное: здесь хотя бы видишь, что теряешь...

... В этом крошечном вакууме первая передача и первое письмо от близких, как луч света, пробивает мрак и обжигает теплом. Помню, как вытащил из пакетов теплые носки и шерстяное одеяло. Закутался в него и тут же провалился в сон с ощущением дома и родительской заботы...

— У меня есть, о чём с вами поговорить, — сказал седой, но крепкий полковник из 4-го отделения КГБ. Из окна самого дальнего кабинета открывался внезапный вид ночного города, центрального проспекта Минска. Не поверю, что после камеры на кого-то это не произвело бы впечатления. Так близко и так далеко, длиною в годы... Чай, печенье, пряники, прочая обходительность, как в фильмах.

— Вы знаете, почему вы здесь? — прозвучал коварный вопрос, так это делала инквизиция столетия назад.

— Хотелось бы знать для начала, где я нахожусь,— ответил я.

— Это не тюрьма, слава Богу, а СИЗО КГБ. Есть разница. «Американка», как говорят в народе. В 30-е годы здесь было расстреляно более 30 тыс. человек. Печально, но уверяю вас, ни я, ни мои коллеги даже в мыслях не могут допускать больше такого,— продолжал полковник.

Три беседы до ночи. Об анархическом движении, методах, личном выборе, смысле жизни и т.п. Я сразу решил вести разговор исключительно в рамках информации, доступной в Интернете. То есть, когда звучал вопрос, я представлял себе открытый источник, где есть такая информация, и только затем отвечал. Никакой конкретики.

Полковник интересовался такими вещами, как «финансирование», «лидеры», «зарубежные связи», т.е потенциал движения в плане использования его внешними силами для дестабилизации обстановки в стране. Ясно: у них мысль в одну сторону заточена. Никто уже не верит, что люди могут что-то делать самостоятельно из идейных побуждений. На третий день всё закончилось вопросом:

— А могут ли анархисты и власть идти вместе к светлому будущему? Хотели бы Вы создать собственную организацию?

Тут, как щелчок, в памяти всплыл фрагмент из «Дневника источника», где через такое предложение и произошла вербовка!

— По окончании срока я собираюсь заняться вопросами альтернативной энергетики,— медленно, слово за словом отчеканил я. Мой ответ сильно опечалил полковника... По дороге в камеру вспомнился Маяковский и его великое «... я лучше

блюдам в ресторанах буду подносить ананасную воду»⁷.

... Первая прогулка под падающим мокрым снегом, в дырявых матерчатых тапочках. Прогулка — это трехметровые суровые стены, дворик три на шесть шагов (!) и решётки с колючей проволокой под электрическим напряжением. Первый раз надолго отбивает охоту выходить снова, но ровно до тех пор, пока не приходит понимание того, что небо, пусть и в клеточку, лучше, чем неизменно грязно-белый потолок с неизменным светом 24 часа в сутки. Холодные капли дождя стекали по лицу, прямо как в том лесу, через который нам с Димой часто приходилось ходить на электричку, пока скрывались в Москве.

⁷ В оригинале: «Я лучше в баре блюдам буду подавать ананасную воду!» («Вам!»)

Когда в начале сентября произошли первые задержания, никто не думал, что всё обернется столь серьёзно. Я сразу связался с Димой, и вместе мы выжидали, надеясь, что все обойдется и всех отпустят. Но в течение трех дней нам стало известно, что менты (работал УБОП) хотят накрыть пять квартир. Каждый день количество задержанных росло, и появилась информация, что товарищей раскручивают не только по посольству, а по многим другим эпизодам, даже совсем фантастическим. Но всё равно не верилось, что кого-то посадят в тюрьму и тем более посадят с реальным сроком. За много лет мы привыкли, что никому не нужны: ни ментам, ни журналистам, ни политикам. Правда, в последнее время появлялись тревожные признаки. На панк-концерты стали активно наведываться люди в штатском. Они же пытались установить связь под видом сочувствующих, а весной свинтили мероприятие Беспартшколы (публичные лекции об анархизме). Но как-то никто не придавал этому большого значения.

Но более интригующие события развернулись в Интернете ещё за пару дней до задержаний. Беларуская Индимедия, являясь свободной новостной платформой для анархистских и околоанархистских инициатив, применила цензуру, удалив сообщение об акции у посольства. Более того, их

коллектив объявил акцию провокацией. Надо сказать, что радикальные действия анархистов стали регулярно осуществляться с 2008 года, и в Беларуси, и в России. События в Греции, безусловно, стали главным катализатором. За много лет впервые было озвучено, что за бунтом стоят не какие-то абстрактные антиглобалисты, а вполне конкретные анархисты. За смерть юноши такой ответ, всеохватывающий и бескомпромиссный!⁸ Но за три года лишь в последней акции Индимедия узрела провокацию. Пользуясь общей неразберихой и простоем сайта Революционного Действия, Индимедии удалось навязать свои оценки большинству из движения, в том числе и за границей. Другая часть движения, меньшая, не повелась за остальными, но на тот момент силы были неравны. В бессильной ярости мы смотрели на откровенное отступничество и безумие. Было больно осознавать, что большая часть приверженцев свободы и разума воли ведет себя как стадо, прогнувшись под уверения пары-тройки человек. Было очевидно, что под этим скрывается откровенный страх за свою шкуру, и жалкая демагогия о правилах Индимедии не могла этого скрыть. Увы, в той ситуации нам пришлось оперативно решать другой вопрос: разделить участь задержанных или скрыться от репрессий.

Это совсем нелегко — взять и всё бросить. На работе ждут важные и интересные проекты, на даче в разгаре ремонт, на выходные — планы выбрать-

8 В декабре 2008 г. в Афинах полицейскими был застрелен 15-тилетний подросток Алексис Григоропулос. Убийство вызвало бурную реакцию общественности: Афины захватили беспорядки — были зафиксированы десятки поджогов в разных районах города, а центр греческой столицы превратился в поле боя с баррикадами, взрывчаткой, столкновениями с полицией и спецназом.

ся с друзьями на рейв. Десятки нитей социальной паутинки держат тебя и задают движение. И тут в один момент нужно от всего отказаться. Рассуждения приводят к глубинному самоанализу, в ходе которого предстоит выяснить свои истинные ценности, степень убежденности в идеях, цели жизни, готовность к жертве. Своеобразная проверка, что в жизни важнее: воля, пусть худая и голодная, или комфорт, авось пронесет.

Последние дни в лихорадочных сборах и попытках закончить хоть какие-то дела. Поездка к бабушке и дедушке, помощь с огородом на даче. Они уже старенькие совсем и, скорее всего, мне их больше не увидеть. Затем — к родителям, провести свет в гараже, ведь давно обещал. Мать рассказывает о планах на следующую неделю, а у меня ком в горле. Ночуем на даче у друга. Я не объясняю, в чём дело. Он не спрашивает. Хорошо, когда друзья понимают, что раз так надо, то есть веские причины...

... Дорога к границе. На душе тяжело. Отрываешься от всего родного и близкого. Судьба товарищей под большим вопросом. Но мне легче, чем Диме. Ведь ему приходится оставить и свою возлюбленную. Убивает драма, разыгравшаяся в движении. Публикуются статьи и озвучиваются мнения, дескать, «нам с радикальными не по пути». Ответ на подобные заявления означает привлечение внимания ссученных, а значит, и ментов. Когда ради собственной безопасности свои клюют своих, единое движение перестает существовать. Солидарность — это минимальный фундамент, на котором возможно взаимодействие различных мнений и течений. Произошла дифференциация, как в Германии, Польше, Франции, Греции, Испании. Что ж, так тому и быть. Дух приключений бе-

рёт своё, и мы снова полны оптимизма. Мы будем бороться дальше, ради самих себя и наших товарищей. Пусть хоть весь мир повернётся против нас. Мы не отступим и не сдадимся.

... Москва. Вписки, переезды, поиски халявного Wi-Fi, знакомства, бессонница, порой ежедневная смена квартир. Мы знаем, что уже в розыске, и нас ищут по-настоящему. Поиски безопасного места, суровые работы в холод и дождь, кидалово заказчиками, местами голод. Но именно той осенью я увидел небывалую солидарность на деле. Ночлег, пища, деньги, общение, досуг. Мы никогда бы сами не вытянули без помощи. В те дни строки Кропоткина о взаимопомощи читались как-то по-новому. Братская поддержка и чувства предстали перед нами во всей своей красе и величии.

По крупицам поступала информация о деле. Тучи сгущались. Саню и Миколу обвинили в ряде акций и закрыли в СИЗО. Гэбисты строили козни, отписывали провокации в Интернете, присылали подложные письма, давили на близких. За Диму принялись особо жестоко, бесчеловечно. В его душе драма, но воля сильнее. Всё зря, слишком топорно (за некоторыми исключениями). Тогда опера решили подослать «казачка». В отношении Буратино поступало слишком много тревожных сигналов и предупреждений, но прямых доказательств не было. Очень не хотелось идти на риск, притом что мы только обустроились в безопасном месте и нашли нормальную работу. Но, во что бы то ни стало надо вывести Иуду на чистую воду. Оставлять такого человека в движении просто нельзя.

Перед уходом на встречу отправляем письмо надёжным людям, чтобы знали, если что...

... Через несколько дней начались следственные действия: три очных ставки с людьми, давшими показания. Теплится надежда, что эти люди не посмеют повторить их прямо в лицо. Арсен — совсем убитый, Веткин прячет глаза и говорит, как размазня. Деня сильно волнуется, но смотрит в глаза. В любом случае, до суда стоит воздержаться от оценки.

Конечно, очные ставки оставляют тяжелое чувство. Выходит, у всего есть цена. Пока ясно одно: я попал и попал надолго.

«С вещами на выход!» — прозвучало распоряжение контролёра. Закончились две недели одиночки, теперь — в другую камеру. Захожу, здороваюсь. Передо мной стоят люди, самые обычные люди с человеческими лицами. Как-то не так я представлял себе уголовников. Подходит забитый мастями паренек в «алкоголичке» и спрашивает: «За МТЗ⁹ гонял?» Говорят, что мир тесен. Но кто бы мог подумать, что я встречусь в СИЗО КГБ, где всего-то 18 камер на мест 60, с человеком, с которым несколько лет гонял по околофутболу за МТЗ-РИПО! Воистину, тесен мир! Настрой улучшился. Заку-

9 МТЗ-РИПО — минская футбольная команда. С 2010 г. называется «Партизан». Подавляющее большинство фанатов команды придерживаются антифашистских взглядов.

рили. Макс, знакомый, 22 года, панк-рок, антифа, футбол, амфетамин, 9 лет за продажу (ст. 328 ч.3, от 8 до 13 лет). Кирилл, представительный парень, 29 лет, работал в КГК (Комитете Госконтроля), обвинялся по ст. 209 («Мошенничество»). По версии следствия, брал в долг у влюбчивых девушек без возврата. Масштаб поражал: аж 1,5 миллиона¹⁰ в сумме по четырём эпизодам! Я бы не поверил никогда, что за это можно попасть, тем более в КГБ, если бы он ни зачитывал отрывки из дела. Владимир, пожилой мужчина, 55 лет. Из администрации Могилёва. Несколько лет назад переправил пару грузовиков с песком и ещё чуть-чуть к себе на дачу. А теперь перешёл дорогу не тому, вот и песочек всплыл. До 10 лет без права на амнистию.

Поскакали дни-недели... Сидеть в компании адекватных людей гораздо лучше, чем в одиночке. С точки зрения быта решается уйма вопросов по нехватке тысячи мелочей. Чеснок, лук, спички, кипяtilьник, ручка, карандаш, лист бумаги, конверт, таз, нитки, всякие мыльно-рыльные принадлежности... Всего не упомнишь. Но что более важно, это получение представления о дальнейших перспективах пребывания за решеткой. Как и что решается с администрацией, какие процессы происходят в следственно-судебной системе, ожидаемые сроки предварительного расследования, статьи УК, которые грозят по делу. В общем, целостный взгляд на своё текущее положение. Но самое главное — это чувство коллективизма. Очень быстро вырабатывается арестантская солидарность, хотя в «американке» устоявшейся зэковской культуры нет. Практикуются все естественные стремления человека к общению, взаимовыручке, чувство со-

10 1 российский рубль равен примерно 280-ти белоруским.

причастности, игры, шутки, и, конечно же, смех. Беда сближает, и заметно, как человек, будучи на воле индивидуалистичным, замкнутым, становится более социальным и открытым. Подготовка пищи, уборка, помывка, даже простое передвижение по камере или строю требует постоянной оглядки на других. Одним словом, уходит первичный страх перед неизвестностью и суровостью тюремной обители. Ведь самый главный враг — это собственное воображение. Вскоре обстоятельства заставят убедиться в истинности этого утверждения. Все мы, заключённые «американки» того времени, убедились в этом.

А пока что мы забивали «козла» в домино, устраивали турниры по шашкам, играли в сокс на прогулках, смотрели телевизор по вечерам, травили байки и истории из жизни.

От родных и друзей, товарищей и незнакомых приходили письма со словами поддержки и солидарности. Состоялась встреча с адвокатом. С собой он принес частицу того мира, что мне так дружелюбен и абсолютно чужероден этому каменному вакууму. Это воодушевило меня и ещё больше укрепило в мысли, что я не один. Чувство уверенности в себе абсолютно доминировало и душило голоса отчаяния и сокрушения о поломанной жизни, карьере, быте и прочих мелочах жизни. Что скрывать, первое время об этом думает каждый. Вопрос в том, закончатся ли эти мысли в это самое «первое время» или будут и дальше терзать душу.

Результаты президентских выборов 2010 г. мы узнали ночью 19 декабря, когда в камеру подняли пятого человека, Олега Корбана. Выяснилось, что десятки тысяч людей вышли на улицы и произошли столкновения у Дома правительства. Как-то не верилось...

На следующий день мы увидели на проходе десятки выстроганных по кругу деревянных щитов-щконок. Большая часть из них имела самый свежий вид, что наталкивало на мысль предварительной подготовки. Что опять-таки наталкивало ещё на одну мысль...

Одно стало ясно точно: массовые задержания. В новостях говорили о шестистах задержанных. Сколько же было на самом деле, мы никогда не узнаем. В тот же день Олега забрали. Вместо него подняли Анатолия Лебедько, председателя ОГП (Объединенной гражданской партии). Правда, партию мы переименовали в ОПГ (организованная преступная группировка). Звучит привычнее в тюремных стенах. Бывалый политический деятель, он успел побывать много где и поучаствовать в уйме дел, в т.ч. в осуществлении прихода к власти Лукашенко. Ирония судьбы. Правда, это никак не помешало ему уделить нас в домино и другие игры, с которыми он был хорошо знаком, видимо,

по ИВСам. В знак протеста Лебедько начал голодовку и мужественно держался до Нового года.

Тогда царило мнение, что власть решила немного припугнуть оппозицию и поддержать взаперти дней десять. Самая большая пакость, которая рисовалась в воображении на тот момент, заключалась в том, что людей могли не отпустить к празднику, оставить в тюрьмах на пару дней дольше. Но даже такая мысль казалась почти невероятной. Все так привыкли, что беларуская диктатура рыхлее рыхлого, на серьезные поступки не способна в принципе и держится лишь на рабском менталитете народа.

Мы совсем не придавали значения появлению охраны в штурмовых масках. Как-то выглядело логично, что раз СИЗО сильно переполнено, то прислали усиление штатному персоналу. Мы не знали, что означает ввод спецназа в тюрьму. Опытных эков среди нас не было... Но тогда ещё на выражение «мордой в пол» мы в гневе огрызались, а хамство и грубость списывались нами на то, что этих громил взяли из какого-нибудь ОМОНа. Даже когда нас поставили на растяжку во время обыска, специально выведя для этого в спортзал, мы восприняли это как гнилые понты, грубые попытки припугнуть, дешёвый фарс, который вот-вот закончится. Ведь вся общественность смотрит сейчас за разворачивающимися событиями, весь Запад пристально наблюдает за Беларусью.

Иллюзии развеялись, когда у нас забрали телевизор, Владимира охрана чуть не довела до сердечного приступа (на жалобы ответили: «Умрёте — вынесем»), когда во дворике стали заставлять ходить по кругу, а в 10 часов вечера 31-го декабря Лебедько ушёл с вещами,

но через полчаса его вернули назад... Изменилось СИЗО, изменилась страна. Власть сделала чёткий шаг в сторону откровенной диктатуры, демонстрируя свою уверенность в собственной силе, непоколебимости и безнаказанности.

Этот Новый год был самым невероятным в моей жизни. Даже в фантастическом сне я не мог и представить, что встречу 2011 в застенках КГБ в столь причудливой компании, с кока-колой и шоколадным тортиком на столе, точнее тумбочке, под аккомпанемент старых песен и со смутным ожиданием грандиозного шухера.

На правах старшего Владимир сказал тост из серии «Как чудненько, что все мы здесь сегодня собрались!» Лебедько был краток: «Жыве Беларусь!»¹¹

11 Да здравствует Беларусь! (беларус.)

VIVA
ANAR

2011 год начался мрачно. 1 января на прогулке мы с Максом нарисовали снежками смайлик и слоган «Vivat anarchia»¹². Только вернулись в камеру, как в кормушке появилась голова контролёра с вопросом: «И кто у нас тут художник?» Я взял на себя и пошёл затирать назад один. Ошибка. Как-то не обратил внимания на эскорт из двух масок, которые зашли за мной во дворик. Внезапно они приказали снять свитер (бабушка вязала) и им же стереть снежные художества. Разумеется, я отказался. Тут же получил дубинкой в голову. Первые секунды я был в шоке, не мог поверить, что они всерьёз рассчитывают, что нормальный человек будет раздеваться в мороз и драить своей шмоткой эту грязную шершавую стену. Но именно этого они и хотели! Приказ — отказ — удар, приказ — отказ — удар... Били в голову, по ушам, по шее, в пах, под колено, тычки в зубы, глаза. Кровь вскипела, кулаки сжались сами собой. Увидев такой поворот, маски отошли на пару шагов и встали с дубинками наперевес, орала, чтобы разжал кулаки, но я их уже не слышал. Ситуацию разрулил вдруг выросший из-за их спин дежурный. При нём они не осмелились продолжать. Внутри всё горело... На обратном пути у лестницы снова тормознули. Те или другие, не разобрал. Требовали по команде склонить го-

12 Да здравствует анархия (лат.)

лову. Отказ. Мощный удар в голову по шее сзади. Отказ. Снова комплексный подход. Отказ. Вконец выведенный из себя каратель заорал:

— Ты что, идейный?!

— Да, идейный.

— Не пойму, ты — вор, что ли?!

— Нет.

— Так, блядь, за какую ты идею?!

— За свободу я!

А вертухай все орал: «Блядь! Иди на хуй отсюда!»

... Истеричка.

Утром следующего дня экзекуция продолжилась. Выцепили на обратном пути из сортира. На этот раз маски собрались все вместе, четверо или пятеро. Перегородили дорогу, команда — опустить голову. Отказ. Пару ударов, ноль реакции. Ставят на растяжку у стены. Поинтересовались, буду ли дальше отказываться. Ответ положительный. Резкий удар по ногам, падаю как подкошенный на колени и локти. Хватаются поднять, но крышу уже сорвало, в глазах — красная пелена. Это уже не я. Отбиваюсь от захватов, кручусь на полу как волчок. Скручивают, щелкают браслеты. Тащат в спортзал. Ставят на очень жесткую растяжку, уперев головой в стену. Растягивают ноги берцами, на голени подошвой рвут кожу. Бьют под дых, туда, сюда, но боли уже не чувствую. В крови львиная доля адреналина. Подносят к лицу включенный шокер. Страшно, но только сильнее стискиваю зубы. Переговоры. Сходимся, что буду лишь опускать взгляд при команде «голову вниз». Хоть что-то. Втихую мажут ссадины, видимо, перекисью водорода.

Ещё через сутки записываюсь в медпункт, чтобы снять побои. На лбу — гематома, колени и локти разбиты. На голени — шрам. Губы, ухо — более, чем достаточно. Однако вместо врача вся камера идёт на приём к начальнику СИЗО. В просторном, хорошо обустроенном кабинете сидит человек невысокого роста, но с властным и самоуверенным лицом.

— Вы — террорист? — жёстко спросил меня полковник Орлов.

— Нет.

— Зачем вы избили двоих контролёров? У меня вот рапорта лежат. Одному пришлось больничный давать. У другого — рука повреждена.

Во как! Рассказываю всё, как было, но начальник лишь одобрил действия своих подчинённых.

— Тут как в армии, — продолжал Орлов. — Дисциплина требует наказания даже невиновных. Мне нужен порядок, и не нужны проблемы. Сами видите, с какими испытаниями страна столкнулась.

По дороге назад до меня стало доходить, что тут всё схвачено и эти события не были случайностью. Как и само появление Орлова, заменившего прежнего начальника СИЗО, аккуратно после выборов. Стало совсем мрачно.

Дни, и без того безрадостные, стали превращаться в пытку. Всё начиналось утром в 6 часов с рёва масок на проходе, когда людей выгоняли в сортир. Резкие удары дубинками по стенам, перилам, полу, постоянные окрики «Голову вниз!», «Живее!», «Бегом!» тоном эсэсовца, орущего «Schneller!»¹³ евреям в Аушвице у газовых камер. Лязг дверей, одно и то же повторялось с каждой камерой.

Всё вместе это создавало звучную и жёсткую какофонию, подавляющую волю и питающую страх. После утреннего обхода дежурного всё повторялось. Сначала в 8.30, когда на прогулку выходила первая смена, затем каждые 1–2 часа вплоть до 12.30, когда возвращалась последняя смена. Шесть пробежек на улицу, шесть в камеры — ровно по числу дворики. Если меньше, мы делали вывод, что некоторые камеры идти отказались. Со временем мы стали замечать, что на одних орут сильно, на других — средне, на третьих — совсем не орут. Дифференцированный подход.

С 13 до 15 — обед. Пару часов передышки. После трех часов дня начинается второй подход: шмоны. Если раньше обыски проводились раз в полтора месяца, то теперь это превратилось в еженедельную процедуру (конкретно для нашей камеры). Обычно нас выгоняли в спортзал, где

13 Быстрее! (нем.)

мы должны были раздеться и присесть несколько раз. После прощупывания одежды ставили на растяжку к стене, зачастую с выгнутыми на тыльную сторону ладонями, как ПЗ (пожизненно заключённые). Однажды мы с Максом простояли так полчаса, пока шёл обыск. Помню, первый раз стояли «весело» пять минут, но и это — пытка, после которой с трудом удаётся пошевелить ногами. После 30 минут уже вообще ничего не хочется. Держишься, лишь бы в обморок не упасть, а под ногами лужа собственного пота и дикая дрожь в руках.

В 16.30 второй вывод в сортир. Все то же самое по утренней схеме. И снова шмоны до 18.00. Ужин. В 20.00 заступает новая смена, которая также пытается успеть провести «мероприятия». Тут обычно дергали на так называемый «личный досмотр». Это означало сбор всех личных вещей, скручивание матраса с бельём, упаковка продуктов и т.п. Затем со всеми баулами спускали в спортзал, причем раздельно занести вещи разрешали только в первые дни, впоследствии заставляли нести на себе сразу всё. Контролёры вытряхивали сумки, обыскивали шмотки, письма, пакеты; и снова всё нужно собирать. Причём всё время подгоняют: «Живее!», «Быстрее!». Не понравилась скорость исполнения — ещё раз по кругу. Назад вещи не складывались, а запихивались. Ведь времени было мало. На очереди стояли многие другие. Потом начиналось самое сложное — дорога назад. Сначала мы ходили шагом, затем — бегом. В итоге пришли к многократным забегам. По команде, загрузившись кешерами¹⁴ и матрасом с вечно выпадающей простынёй, нужно было бежать вверх по узкой крутой лестнице. Почти у финиша кара-

14 Кешер — вещевой мешок (жарг.).

тели останавливали и заставляли спускаться вниз. И снова наверх... Этого не выдержит даже очень физически сильный человек! Доползаешь до нарвмыленный, как лошадь, и даже не раскладываешься, так всё становится безразлично.

Замучив «телесно и душевно», каратели принимались за мозг. С 18.00 до 22.00 по местному «СИЗО ТВ» (обычное ТВ отключили ещё в декабре) начинали крутить всякие программы, из которых 90% составлял самый настоящий шлак. Мистика, псевдоистория, чеченские боевики, террористы, политиканы, наркоманы, еврейский заговор, доллар-кровопийца — одним словом, сенсации, рассчитанные на запугивание обывателя. Всё бы ничего, но это повторялось каждый день. Десятки раз одно и то же. Они долбили мозг тревожностью, чувством опасности. Расчёт строился, видимо, на появление неврозов, в первую очередь, неврастении. Это ТВ-зомбирование было хуже всего. Иногда доводили до паники и самобичевания. Кроме перечисленного, транслировались программы откровенно ультраправого содержания таких контор, как RUSTV и «Куликово поле». Показывали фильмы «Россия с ножом в спине» и т.п. Выглядит совсем по-идиотски, когда эзков убеждают, что Путин — еврей, а Россия — сионистская держава. Периодически заходили контролёры в сопровождении масок с дубинками в руках. Проверяли, смотрим ли. Со временем стали хитрить, делали звук фоновым, а впоследствии отключали вовсе.

Прогулка во двореке — 1–2 часа — была отдушиной, несмотря на угрюмые матово-серые стены и размеры 3 на 6 шагов (были дворики и поменьше). Контора на вышке включала радио (позже отключили вовсе) или диски, иногда с вполне приличной

электроникой. Но и тут каратели сумели подпортить нам жизнь: заставляли ходить по кругу, первое время с руками за спиной. Отказываешься — уводят назад в камеру. В итоге часть арестантов совсем отказалась выходить. Стали принуждать. Очень непросто отходить 2 часа по кругу, когда уже через 15 минут пол превращается в ледяной каток. Естественно, лёд никто и не думал посыпать песком. Лишь через несколько недель, когда снег начал таять и люди стали падать в этой скользкой жиже каждый день, песок появился.

Письма пропали резко. Ещё в декабре я успел получить целую кипу, но с января почти ничего не было. Доходили лишь отдельные письма от отдельных людей: родителей, родных, пары друзей и разовые письма от товарищей, где по тексту сложно было понять, что это — политические. В зависимости от поведения, а также содержания разговоров в камере, письма шли от нескольких дней до месяца. В среднем, две недели для тех, что из Минска в Минск.

Письма — коварная штука! Они здорово поднимают настроение, особенно когда описывают различные мелочи из нормальной повседневной жизни. Но коварство в том, что каратели, регулируя и фильтруя поток писем, могут создавать ложное впечатление о действительном отношении людей к тебе, о реальном положении дел на воле. Например, пишут несколько людей, с которыми у тебя примерно одинаковые по степени близости отношения, но пропустят только одного, а потом и его обрежут. Вот и начинает казаться, что тебя подзабыли, и никому ты не нужен. Или могут собрать подряд несколько писем с негативной информацией. Это тяжело. Конечно, разум тысячу раз твер-

дит, что это — подстава, и не нужно брать в голову, но червячок сомнения-то точит. От этого нельзя убежать. На это и рассчитывают. В условиях информационного вакуума избирательная подача информации влияет на тебя независимо от твоего желания. В этой ситуации необходимо повторять, как молитву: «Придёт время, и я узнаю, как всё было», что я и делал ежедневно. Несмотря на технологии фильтрации, кое-что они упустили. Пара писем — не содержанием, но самим фактом, — сориентировали меня, вскрыли целый пласт лжи со стороны оперов, так что я знал некоторые моменты дела и мог на них рассчитывать. Информация — на вес золота. Весточки от друзей, которые я успел получить в самом начале, дали мне дополнительную точку опоры. Друзья... Сколько лет совместного пути, веселых тусовок, отвязных приключений, душевного понимания. Казалось, что это будет вечно. Кто мог думать, что вместо штурма деревянных стен ролевого замка в кольчугах и шлемах вы будете штурмовать застенки этого «красного дома» письмами с воли. Каждое послание со словами поддержки, что я получил, оказалось бесценным. Эти слова будоражили память, не давали забыть, кем я был и кто я есть, не позволяли карателям лепить из меня слепое послушное чучело.

В начале января в камере произошли перестановки, которые определили будущий состав испытательного вольера № 4.

Володю и Лебедько убрали, им на замену прислали Молчанова Саню и Федуту Александра. Оба — политические.

Молчанова взяли в первых числах января в Борисове, «опознав» по видеокамерам. На вид он был болезненно худощавым студентом-идеалистом. И, может быть, поэтому его прессовали особенно жёстко. Он регулярно подвергался марш-броскам. На него частенько орали, цепляли за шею и голову и гнобили. Чекисты с первого дня взяли его в активный оборот, выдавили покаяние на камеру и признание вины. Помню: двери открылись и в камеру вошел один из масок — без маски (!) — с дубинкой наперевес. Мы думали: сейчас будет маски-шоу (массовое избивание всей камеры), но он выцепил одного только Саню и вывел его на продол. Причём с таким видом, как будто бы на расстрел. Вопрос Кирилла «Мужики, что будем делать?» повис в воздухе.

Со временем мы узнали Саню с разных сторон. Участник демократического движения с юных лет, к своим двадцати годам он успел много где засветиться. В своё время чудом ушёл из-под разработки комитета, вовремя почуяв подставу. В свобод-

ное от политики время увлекался сталкерством¹⁵, чтением, Интернетом. Такой позитивный образ жизни привел к тому, что Молчанов стал своего рода телезвездой площади 19 декабря. Были запечатлены и срыв им государственного флага со здания КГБ, и размахивание бело-червоно-белым флагом на крыше снегоуборочного трактора... После каждого пресса Саша не отчаивался, а материл чекистов на чём свет стоит, хотя знал, что камера прослушивается и ведётся видеонаблюдение.

Александр Федута оказался 46-летним мужчиной в очках. Настолько же крупным в теле, насколько крупной политической фигурой он оказался. На выборах и вообще. А был он политтехнологом и начальником штаба кандидата от оппозиции Некляева¹⁶. Он создавал впечатление гуманиста XVIII века и серого кардинала одновременно. Александр чуть ли не ночевал на допросах. Восемь-двенадцать часов у инквизиторов были стабильно его. Несмотря на его роль политической акулы, мы быстро поладили. Когда-то Александр был школьным учителем, вождем комсомола, журналистом, встречавшимся с Горби¹⁷. Затем одним из воротил бригады Лукашенко, а теперь стал его узником. Жизнь — это жизнь. Александр оказался не только политиком, но и профессиональным литератором и замечательным рассказчиком. Это его умение мы

15 Сталкерство (сталкинг) — увлечение, связанное с посещением объектов, чаще всего либо вышедших из эксплуатации, либо изначально не предназначенных для посетителей.

16 Некляев Владимир Прокофьевич — белорусский поэт, прозаик и общественно-политический деятель. С 25 февраля 2010 г. он стал лидером общественной кампании «Говори правду». Выдвинул кандидатуру на президентских выборах в Беларуси. 19 декабря 2010 г. был арестован и обвинён в организации массовых беспорядков.

17 Прозвище М. С. Горбачёва, генсека ЦК КПСС.

активно эксплуатировали. Вспоминается, как вся камера после отбоя, затаив дыхание, слушала множество историй о всяких поездках, а также «Графа Монте-Кристо» в пересказе. Было интересно наблюдать за лицами сокамерников, когда граф осуществлял очередной акт мести: наверняка, каждый прокручивал в воображении свою ситуацию, примеряя на себя роль графа. И в моих кровожадных фантазиях также всплывало несколько персонажей — как раз четверо.

Чем больше нас прессовали, тем громче в камере стоял смех, тем активнее мы играли в настольные игры. Наибольшей популярностью пользовалась эковская разработка игры, которую Федута, будучи генетическим интеллигентом, немедленно перекрестил в «таракашку». Разумеется, мы не могли не воспользоваться ситуацией для подколов на эту тему.

Противостоять творящемуся кошмару помогала солидарность, царившая в нашей камере. Лошадиный смех и чёрные шутки служили способом психологической защиты, так как разуму мириться с происходящим было невозможно.

В продовольственном плане в нашей камере был построен коммунизм. Как правило, к обеду и ужину присаживались за стол (точнее, тумбочку, застеленную газетой) все вместе. Обычно Кирилл, а позже и я, готовил салат. Нарезались овощи, лук, зелень, чеснок, хлеб, сало и колбасы. Впоследствии, я всё-таки вернулся на вегетарианские твердыни и даже сагитировал к тому же Макса. Чай, кофе, печенье, сладости, фрукты также были общими. Каждый просто соблюдал меру с дефицитным продуктом, и проблем не возникало.

И всё-таки с ростом количества издевательств со стороны карателей появились дни, когда никто почти не разговаривал из-за страха и отчаяния. Мы сопротивлялись: всё чаще разговаривали шепотом в мёртвой зоне, скрытой от видеокамеры. Когда нас заставляли передвигаться бегом (непреренно с руками за спиной и опущенной головой), мы ставили вперед Федуту. Таким образом, никто не отставал и последнего не подгоняли дубинками. Каратели пытались разрушить солидарность. Как будто специально проводили шмон или «личный досмотр» во время настольной игры, когда в пылу азарта мы забывали обо всём. Или одних шмонали, а других нет, чтобы вызвать зависть и подозрение. На арестантском жаргоне это называется «повестись на мусорские мармыли». Мы не велись, но на уровне подсознания все равно оставался осадок. На то и был расчёт, как оказалось впоследствии. В ход пускался и обман. Так, после очередного допроса, Федута с порога заявил: «Мужики, что я такого сделал? Почему вы написали заявление на отселение меня в другую камеру?». Мы даже опешили от настолько наглой лжи. Впрочем, нечему удивляться: нашей камерой и раньше пугали как «пресс-хатой наркоманов и террористов». Не стоит думать, что такой обман проходил на человеческой глупости и доверчивости, ведь мастер-класс манипуляций показывал сам новоиспечённый начальник СИЗО, полковник Орлов.

Вызовы к хозяину «американки» — отдельная тема. Во всём этом дурдоме лишь его кабинет представлял собой лагуну спокойствия и умиротворения. Обычно он встречал очень доброжелательно, умел интересно говорить и выслушивать. Он не пил и не курил. Рассказывал о себе: что участвовал в операциях в горах, сидел где-то в азиатской тюрьме. Даже как-то не верилось, что именно он мучает нас, как кот играет с мышами, дирижирует всей этой трагикомедией. Он не делал топорных ошибок, как простые опера. Он мог исподтишка поинтересоваться мнением о сокамернике. Собственное мнение сделать твоим за счёт отрицания ещё более неприемлемой позиции и т.п. Помню, как он предлагал посмотреть фотки, где будто бы отображено, что Лебедько не соблюдал голодовку. Тут он сплоховал, так как этот же фокус проворачивал с кем-то другим ранее. В том случае компьютер «внезапно» подвисал при попытке открыть фотографии. Точно так же произошло и со мной, так что я не удивился. Всё-таки и мастера совершают ошибки. К тому же я лично видел, как Лебедько за несколько дней порядочно ослаб так, что он был бледен и его пошатывало. Орлов говорил о ситуации в тюрьме, как об «ответе на тот вызов, с которым столкнулась страна». Он сравнивал оппозицию с французскими революционерами, которые

подводят обстоятельства к террору, и «неизвестно, чей террор будет хуже».

Всё время мне приходилось быть в максимальном напряжении: следить за каждым словом, следить за ходом мысли (его и своей), следить за диалогом в целом. Это очень непросто. Всегда есть опасность высказать мнение или упомянуть какую-то деталь, которую он для правдоподобности сможет вплести в разговор с другими заключёнными, посеяв тем самым сомнение и раздор. Не говорить с ним было невозможно. Неоднократно я шёл с мыслью свести беседу к односложным ответам, но раз за разом Орлову удавалось разговорить меня. Как и тот полковник из 4-го отделения, своё дело он знал хорошо. В кабинете стоял красивый сервиз, на столе ждали пряники, коньяк — всё, как в фильмах. Никаких чаев с карателями! Я так сразу и заявил и повторял каждый раз, когда начальник предлагал. Люди почему-то думают, что это — мелочи. Дескать, если мент ведёт себя культурно и порядочно, то можно и чаи погонять. Тем самым признаются допустимыми все те издевательства и обман, которым подвергают заключённых. Тюремщики делятся на два вида: плохие и очень плохие. Это — аксиома. Любая обходительность с их стороны есть элемент паутины, призванной вызвать подсознательное доверие. Орловым практиковалась подстройка через присоединение к системе ценностей (согласие с рядом ваших мыслей), а также отзеркаливание (копирование позы). Увы, мои познания в этой области очень скромны, и большая часть этой психологической осады осталась для меня незримой.

Я принимал контрмеры. В качестве защиты, глядя на начальника с полуулыбкой, я повторял

в уме раз за разом: «Это он меня давит, душит, унижает, приносит боль близким мне людям. Он — враг. Всё, что он говорит, ложь».

Ненависть к врагу... Как-то один приятель рассказывал мне, что соблазняя девушку, нужно раздевать ее взглядом. Для насущной ситуации я адаптировал этот подход следующим образом: представлял, что через весь стол хватаю начальника за горло одной рукой и душу, а он хрипит, исходит пеной, выпучивает глаза, паникует в безуспешной попытке разжать стальную хватку. Помогало отлично!

Орлов открыто обсуждал методы мучений, моральную сторону дела. Он утверждал, что его целью является заставить нас сомневаться. На моё возражение, что мы ещё не осуждённые, он ничего не ответил. Впрочем, уже тогда было ясно, что человек виновен для них не тогда, когда суд выносит свой вердикт, а когда человек попадает под подозрение. Они ведь не могут ошибаться! КГБ. Куда уж простым смертным до них!

Из разговоров мне стало известно, что они практикуют индивидуальный подход к каждой камере и к каждому человеку. Всего 18 камер, около 60 арестантов. Больших технических средств и крупного штата сотрудников не требуется. Все чётко планировалось: когда, где и сколько раз. Где проводить шмон, кого подвергать персональной экзекуции, где оставить свет на ночь, где запретить курить. Даже кого задеть в строю во время прогонов в туалет или на прогулку. Орлов при мне звонил куда-то и давал инструкции, чтобы Молчанова два дня не трогали. Ну и, конечно же, камеры перетасовывали, чтобы осложнить или облегчить жизнь.

— Мир — это стая волков. И более сильная стая всегда пытается урвать у соседа поменьше. Я отождествляю себя со своей стаей и ее благополучие — это благополучие моей семьи, близких, соплеменников, — рассуждал Орлов о своем мировоззрении.

На эти патриотические доводы мне было, что сказать.

— Классика фашизма. Почитайте Муссолини, вам понравится, — комментировал я. — Да, картина цивилизации такая, как есть сегодня, не поспоришь. И с волками всё ясно. Только что в вашем мире делать простым антилопам, которые тащат этих волков на своём горбу?

Похоже, антилопам оставалось лишь пахать и сидеть, выполнять продрозвёрстку, сдавать кожу на военные ремни и ранцы. Ну, а пока антилоп — в зависимости от поведения — водили к начальнику либо культурно, без наручников, либо «ласточкой». «Ласточкой» — это когда кандалы захлопываются за спиной, а руки выкручиваются вверх настолько, что при желании можно поцеловать собственные ботинки. И так по коридорам, по ступенькам, опять-таки, словно я пэзэшник (пожизненно заклечённый). Однажды забыли инструкцию насчёт меня. Звонили начальнику, уточняли, как именно вести. «Я вам устрою Гуантанамо тут», — грозил Орлов. Так «американка» стала «гуантанамкой».

В конце января забрали Федуту. В камере стало совсем уныло. Я коротал время за энциклопедией по психологии, которую мне всё-таки купили через несколько недель постоянных заявлений. По вечерам учился рисовать по присланному родителями самоучителю. Или отжимался от пола или на нарах как на брусках.

Порой слышались леденящие кровь рёвы масок на проходе, как обычно измывавшихся над кем-то. Это доводило до откровенной паники. И лишь физзо позволяло хоть как-то совладать с собой.

Втихую обсуждали сценарии острых эпизодов для фильма «Пила 8: Никто не забыт». Разумеется, с вертухаями¹⁸ в главной роли. Ненависть переливала через край, и воображение бурлило яркими кровавыми красками. Смех всё чаще носил истерический характер. Специфический тюремный юмор, созданный переломной жизненной ситуацией и замкнутым пространством, возведённый в степень бесчеловечного обращения, подменил нормальные человеческие шутки.

«Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей — об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым круглые

18 Коридорный в тюрьме

сутки... Приходилось жить — и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, — с осознанием того, что каждое твоё слово подслушивают и за каждым твоим движением, пока не погас свет, наблюдают...»

Эти слова из романа Джорджа Оруэлла «1984» лучше всего отражают то психологическое состояние, в котором пребывал каждый из нас. Только у нас свет не гас никогда. Был дневной свет — 100 Вт лампочка, был ночной, настолько яркий, что можно было читать. Случалось, что по несколько дней подряд спали под светом сразу двух ламп. Контролёр лишь беспомощно отвечал: «У меня приказ». Каждую неделю становилось всё хуже. Методично, шаг за шагом. Мы полуосознанно ждали какой-то развязки, потому что так дальше было нельзя. Чувствовался предел.

Тогда возникали моменты «второй волны». Одно дело чувствовать утрату, бессилие помешать чему-то. Но пока есть это «что-то», осознаешь себя, своё положение, кто ты. А тут начинает казаться, что ничего и нет, и ничего не будет. Скучное однообразие убивает настолько, что уже и не представляешь иного расклада. Каменный мешок в пустоте с незатейливым набором внешних раздражителей, всегда одних и тех же. Ощущение безвременья, без начала и конца. Лежишь на нарах и не можешь встать, потому что непонятно, что важнее и актуальнее: метеорит в космосе или чаю попить, пока кипятыльник есть. Шизофренический распад сознания. И тогда стараешься, как ненормальный, готовить салат, нарезаешь всё, что есть, вперемешку, отжимаешься, через силу садишься за шахматы. Занятие бытовыми делами становится твоим ритуалом, панцирем против безумия. Но частенько за-

хаживал и другой гость — страх. Тогда оставалась лишь своеобразная самотерапия.

Бывало, сворачиваешься калачиком на нарах, закрываешься, чтобы ничего не видеть и не слышать и тайком смотришь на фотографию, присланную неизвестным человеком из Питера. На ней — сплошное чёрное облако, в котором еле-еле угадываются очертания фигуры из камня, стиснутой в кулак. Кажется, совсем уже заволокло этот камень, но он всё равно стоит нерушимо, как маяк в тумане. Сколько людей прошло через тюрьмы и лагеря, гонения и пытки. Много раз я читал о них и знаю, что этим людям приходилось по-настоящему тяжело. Сколько их сгинуло в крайней нужде и безвестности. И всё равно шли, всё равно не смирились. Эта борьба — противостояние свободы и рабства — красной линией проходит через всю историю человечества.

Менялись эпохи, цивилизации, названия, но суть оставалась той же: антагонизм устремлений простого человека и устремлений господ (рода, веры, денег, положения). Человек vs Власть, во все времена. Я — лишь маленькая частица в этой стихии чувств, мыслей, действий. Как капля в океане: без меня он меньше не станет, но сам полностью состоит из таких вот капелек, и каждый вносит свою лепту в общий ритм океанического биения. Пускай каратели делают со мной, что угодно — я всё равно победил...

В начале февраля маски озверели вконец. Была пятница, трое в камере заболели гриппом. Всю ночь трясло; температура, озноб. Наутро сходили к врачу, он выписал таблетки. Вечером дёрнули меня и Молчанова со всеми шмотками. Наученные горьким опытом, мы выложили книги и другие тяжёлые вещи. Как обычно, спустили в спортзал, но почему-то шагом и без рёва. Подозрительно тихо. Ничего хорошего это не предвещало. Кешер и пакеты выворачивают, сваливая содержимое в одну кучу. Ожидание, босиком на бетонном полу, голым. Началось.

«СОБРАТЬ ВЕЩИ!», «ЖИВО!», «ЧТО НЕПОНЯТНО?!!», «ЖИВЕЕ!», «Я СКАЗАЛ!!!», «БЕГОООООМ!!!!»

По лестницам, коридорам. Загоняют в дурхату¹⁹ в подвале. Снова шмон. Ставят на растяжку и уходят, но периодически подходят к глазку проверить. Сбор шмоток, едва успеваешь одеваться, матрас под мышку и бегом по коридору на лестницу, ведущую в центр этого неоколизея. На финише стоит каратель и орет: «Слишком медленно, назад!» Другой подгоняет. Слышу, как на другой лестнице гоняют Саню Молчанова. Сволочи. Возвращаюсь назад в дурхату. Дико жарко, пот льётся буквально ручьём, в голове туман. Это — предел. Если переступить, то что будет дальше??? Всё, плевать.

Каратель орёт:

¹⁹ Камера, обитая резиной и дерматином, для усмирения буйных (жарг.)

- Дубль два! БЕЕГОООМ МАРШ!!!
- Нет.
- Я сказал — взял вещи и бегом, живее!!!
- Отказываюсь.
- Вещи в руки и БЕГОМ!
- Делай, что хочешь. Больше не побегу.

Некоторое время он смотрит на меня, затем идёт за вторым, что-то шёпотом обсуждает. Затем второй каратель подходит и, как ни в чём не бывало, самым вежливым и миролюбивым тоном говорит: «Собирайте ваши вещи и проходите в камеру». Я аж опешил, не веря своим ушам. Настолько этот тон противоречил ситуации. Оказывается, они умеют говорить по-человечески. Всё...

... Не расстилая матраса, падаешь прямо на железные прутья. Сил нет ни на что. В голове всё ходуном. Саня заваливается следом. Еле живой, бледный как смерть. Ему плохо, тошнит. В камере гробовое молчание. Кирилл с Максом ещё так не попадали. Всем страшно. Да какое страшно?! Ужас проник в каждый атом тела и разума настолько глубоко, что все сидели молча, боявшись сказать хоть слово...

Я лихорадочно соображаю, что делать. Ситуация подошла к черте, переступив которую уважать себя уже невозможно. Ещё один шаг, и тогда что угодно станет возможным. Приходит четкое понимание того, что такого и близко допускать нельзя. Категорически. Нужно идти в отказ в самом начале, не собирать вещи. Если это будет не очередной прогон, а переселение в другую камеру, придёт дежурный. А так его никогда нет. Специально отсутствует, чтобы не быть свидетелем. Хитро придумали, сволочи.

На следующее утро дежурный спросил: «Ну кто ещё болен?».

А через несколько дней случился самый жёсткий пресс за всю эту чёрную зиму. Рёв стоял такой, что звук отчётливо доносился из спортзала, т.е. через две двери и центральный холл. Мы не могли ни читать, ни писать, ни играть, ни просто лежать. Кто-то ходил вперед-назад, кто-то отжимался. Несколько часов в ожидании, всё время открываются соседние камеры, но почему-то проходят мимо нас. Извне доносится крик: «лечь! встать! лечь! встать!...» Это кошмар. Никто не смотрит друг другу в глаза и только губы выдают: «Суки, твари, сволочи...». Ужин. Значит, нашу камеру пронесло. Но надолго ли? Чудо не случается дважды, в следующий раз обязательно зацепят».

В субботу с самого утра меня отвели к начальнику. Орлов, одетый по граждански, встретил меня радушно. Сразу же спросил меня: «Что вас тревожит?». Затем он прямо сказал что-то насчёт моего состояния и что ему поручено развеять «недопонимание».

«Ведь это всё не более чем театральная постановка,— говорил он доверительно-доброжелательным тоном.— Мы пристально следим за состоянием каждого, и уверяю вас, ничего никому на самом деле не угрожает». И добавил: «Главный враг — собственный страх. Не нужно делать поспешных действий и любую проблему можно решить вот здесь».

Я был в шоке. Каким образом это стало известно? Неужели все эти разговоры про психологический контроль не пустой разгон? Спрашиваю в лоб:

— Как вы узнали?

— По глазам,— серьёзным тоном ответил гражданин начальник СИЗО КГБ.

Десятые числа февраля ознаменовались началом «потепления климата». Что-то явно произошло на воле, уровень пресса значительно снизился. Забеги с так называемым «личным досмотром» прекратились. Шмон стал мягче, более редким, с выводом в туалет по старинке.

23 февраля Кирилл упал с лестницы. По закреплённой масками привычке, он спускался вниз бегом с руками за спиной, не держась за поручни. Я впервые видел гематому на полспины. У Кирилла был болевой шок. Его трясло так, что он не мог ни нормально говорить, ни даже курить. В итоге его увезли в больницу. Судя по обрывкам разговоров между контролёрами, были и другие случаи. Так или иначе, на следующий день каратели орали на нас за то, что мы... передвигались бегом и не держались за поручни!!! С каждым днём мы всё реже и реже видели масок, и, наконец, к началу марта их не стало вовсе.

С плеч будто камень свалился. Стало легче дышать. Больше мы не ходили по дворику кругами строем, хотя неоднократно слышали, как это заставляли делать соседей. Дифференцированный подход сохранился, но стал утонченнее.

Интересно наблюдать, как в условиях роста властных полномочий меняются рядовые исполнители. Из вежливых и добродушных некоторые

становились откровенными скотами. Как, например, парочка, запомнившаяся всем: Вася и Лягушка. Последний однажды выцепил меня на продол к маскам только потому, что я не встал при открытии дверей. Поставили на растяжку, обступили гурьбой. Жаба врезал по ноге так, что я чуть устоял. Было видно, что эти двое хотят доказать маскам, что они тоже «крутые пацаны». Лошья печальное, уже через месяц ходили по струнке. Были и те, кто не ступил на тропу оскотинивания, остались людьми. Но всё равно нужно понимать, что шестёрка есть шестёрка. Эти, самые порядочные, всё равно должны выполнять приказы. Пускай они сами и не проводили экзекуций, но при этом вели нас к тем, кто проводил. Проблема не в людях, проблема в системе, что позволяет творить беспредел.

Саню и Кирилла осудили. Молчанов отхватил трёшку, а Кирилл либо «химию»²⁰, либо условно: в камеру он уже не вернулся. Нас это даже немного отрезвило: оказывается, у этой подводной лодки есть выход. Что примечательно: ни тот, ни другой так и не получили возможности встретиться с адвокатом.

Примерно тогда же мы узнали, что Михалевич — один из «декабристов» — заявил о пытках в «американке» и дал деру в Чехию. С удивлением прочитали (нам стали приносить «БелГазету»!), что этот ход вызвал некоторую критику в его адрес. Видимо, кто-то не понимает, что жизнь политбеженца не сахар. Чужая страна, чужие люди и надежда вернуться только одна: смена режима. Каждый день мы загибались в этом аду и неизвестно, до чего бы дошло, если бы не этот его самоотвер-

20 «Домашняя химия» — ограничение свободы без направления в исправительные учреждения (жарг.)

женный поступок. За это спасибо от многих узников красного дома того времени!

Была назначена прокурорская проверка, правда, липовая.

Однако, на тот момент меня больше волновали другие новости, просочившиеся, несмотря на почти полную изоляцию. Все эти месяцы меня терзали мысли о моих друзьях. Смог ли укрыться Дима, как держатся Саша и Коля (с Молчановым я послал им на «Володарку»²¹ устное сообщение), и что будет делать Денис. Если все другие, кто дал показания, были для меня людьми посредственными, то с этим человеком ситуация была принципиально иной. Давным-давно мы познакомились на панк-сэйшне и сразу же попали в крупную передрагу с фашистами: за срыв концерта Toro Bravo мы ответили прямо на Октябрьской площади Минска силой в 150 человек. В те годы (конец 90-х — начало 2000-х) рождалась некоммерческая музыкальная сцена — D.I.Y.²² — и она нуждалась в защите, так как ультраправые не терпели людей, открыто говорящих «Расизм — дерьмо» и «Смерть фашизму!». Каждый день на улицах шла невидимая война, постоянно происходили какие-то события: концерты, тусовки, собрания, стычки, крупные столкновения, политические акции. Это был мир, которым мы жили, за который мы сражались, который обогатил и сформировал наши личности, и который закалил наш характер, бескомпромиссность и волю к победе. Так что за те годы нам выпало многое пережить

21 Тюрьма в Минске, находится на улице Володарского (жарг.)

22 DIY (от англ. Do It Yourself — «сделай это сам») — культура обучения полезным навыкам, в ходе работы над каким-либо изделием, разработкой или физически осуществимым на какой-либо стадии проектом.

и пройти вместе. И хотя два-три года назад я отошёл от субкультуры, а Денис, наоборот, сконцентрировался на околофутболе, но друг друга из виду мы не теряли и в нужный момент помогали друг другу. Особенно в последний год, когда у меня случились жёсткие утраты в личной жизни, и мир стал совсем серый, а характер — чёрствый. Тогда именно общение с Денисом помогло преодолеть эту чёрную полосу. По жизни немного друзей можно назвать друзьями. Но, когда попадаешь в тюрьму, то понимаешь, что их еще меньше, чем предполагал. К тому моменту стало ясно, что его показания никакой роли не сыграют. Вполне достаточно слов Веткина, но ведь дело не в них, не в приговоре, а в принципе, что сильнее: страх или дружба? Какой бы ни был срок, он пройдет, а верный друг останется навсегда. Меня изгрызали сомнения, но я верил. И потому, когда долетела весть, что мой близкий друг (Денис) в интернете выложил ролик с отказом от показаний и свалил за бугор, я дня три ходил в эйфории. Не всё ж этим гадам пить нашу кровь! Пусть давят и пугают сколько хотят, но есть вещи, которые им не по зубам. Настанет тот день, когда эти человеческие ценности сломают хребет этой презренной власти.

В письмах матери были кое-какие намеки на помощь: ребята звонили, приходили домой. Это придало мне новых сил.

Следовательно, не появлявшийся с прошлого года, вдруг нагрянул с адвокатом и экспертизами по делу. Адвокат сказал, что его, как и многих, не пускают «за отсутствием технической возможности». Интересно, а кого тогда вообще пускали?

На этой встрече я узнал, что Диму так и не взяли, чему я дико обрадовался, не стесняясь следователя.

В экспертизах против меня не было *вообще ничего!* Ни телефонных переговоров, ни переписки, ни каких-либо следов на компьютере, ни улики с обысков на квартирах и в машине, ни совпадающих сот мобильного. В общем, жизненный тонус повысился. Осталось лишь ждать ознакомления с делом, а там уже суд да лагерь не за горами. Но это «лишь» длилось вечность.

В первых числах марта к нам, на смену убывшим, закинули еще двоих. Марцелев Сергей оказался политтехнологом кандидата Статкевича²³. Хотя я сперва подумал, что он польский бандит. Выражение лица, когда он вошел в камеру, было такое, что мы с Максом немного опешили. Но оказалось, что Сергей «в доску наш пацан». В одной из камер Марцелев приобрел кличку «студент» за то, что имел три высших образования.

Киселёв Александр был крупным российским бизнесменом и по совместительству местной достопримечательностью «американки» по прозвищу Олигарх. Он занимался инвестициями для увеличения капитала компаний с последующей перепродажей. По оценкам рыночного капитализма, Александр — молодец, по оценкам бюрократического капитализма — тоже молодец. Но по оценкам КГБ — преступник. Киселёв был высокоорганизованным человеком, ко всему имел конструктивный подход. При этом был тверд, добродушен и позитивен. Верховный тюремщик Орлов его ненавидел. Ряд контролёров тоже (например, Вася, когда стоял на раздаче баланды, не давал Олигарху хлеба!).

²³ Статкевич Николай Викторович — лидер Беларуской социал-демократической партии (Народная Громада), бывший кандидат в президенты Беларуси. Участвовал в митинге 19 декабря 2010 г. Был задержан. В 2011 г. осужден на 6 лет лишения свободы в колонии усиленного режима.

Его постоянно перекидывали из камеры в камеру (он побывал в 14-ти из 18-ти), его постоянно возили прессовать на «Володарку». Но Саша ушёл в жёсткий отказ и по этому поводу говорил: «Пусть меня тут лучше сгноят, но я не уступлю, потому что должен быть предел во всем, а у гэбистов его нет». Каждый день физо. Каждый день изучение немецкого, каждый день непреклонность, — одним словом, стальной человек.

Всю неделю мы без умолку дискутировали на темы мирового капитализма и финансового кризиса, перспектив белорусской экономики, рабочего контроля и трудового самоуправления, бандитского происхождения российской политики и, конечно же, беспредела белорусского режима. Также стали известны подробности «вечной зимы» в других камерах. Речь шла о камере № 13, «залётной». Орлов как-то мимоходом упомянул тринадцатую, дескать, «там люди, недовольные жизнью». Оказалось, что в те дни к этой камере было два подхода: шмон через день и шмон каждый день. Там шмотки высыпали из кешеров прямо на пол. Маски могли зайти и разбить дубинками контейнеры с чаем. Там был случай избиения только за то, что человек передал жалобу в прокуратуру прямо в зале заседания суда (январь 2011), а другого, схватив за ворот, закидывали во дворик, но, промахнувшись, попали в стенку... При «личном досмотре» ставили на растяжку абсолютно голыми, а контролёр задавал узникам уж совсем похабные вопросы.

Кстати, о прокурорской проверке в связи с пытками. Она проходила за день до заезда к нам Марцелева и Киселёва. Сам зампрокурора Швед с тусовкой белых воротничков соизволил нас посетить. Начальник Орлов на несколько секунд вошёл в ка-

меру и обвел всех очень строгим взглядом, затем резко вышел. Зашли прокурорские. Швед пару раз спросил, всё ли нормально, и был таков. Напротив двери, на проходе, выстроившись в линию, стояли вертухаи с такими лицами, будто пришли на бандитскую разборку. Естественно, все молчали. Никто не верил этим прокурорам. Мы ещё в конце декабря видели, чего стоит эта прокуратура. Тогда Анатолия Лебедько вызвали к врачу (второй раз за день) как раз в те полчаса, когда прокурор ходил по камерам с очередной ежемесячной проверкой. Понятно, что Лебедько бы много чего сказал. Хотя, что толку? Этот прокурор даже не поинтересовался, где ещё один арестант. И тут было то же кино. Эту тему замечательно иллюстрирует известная картинка с обезьяной, закрывающей себе рот, уши и глаза.

Через дней десять Киселёва перевели. К нам добавили хлопца Дениса. Способный автослесарь; дома остались мать-инвалид и невеста. Впервые мне пришлось увидеть поведение свежеиспечённого арестанта со стороны. Больно было видеть, как день за днем до человека доходило — шаг за шагом — что, по всей вероятности, в прежней жизни осталось всё — дело, невеста, мать-инвалид. Тяжёлое зрелище...

Писем не было весь март. Никаких весточек от родных. Оборвали единственную ниточку, связывающую меня с внешним миром. Похоже, мои речи не понравились кому-то совсем. Хотя понять их логику тяжело, так что я и не пытался. Время коротали так же за чтением, рисованием и беседами. С Максом частенько вспоминали старые добрые деньки: антифа-действия, околوفутбольные маневры и панк-концерты. Или креативили на те-

му кафе-клуба в стиле киберпанк. А вот с Серегой можно было поспорить на темы истории, например, патриотизма времён мировых войн. Или о том, что делать порядочному человеку в случае оккупации НАТО. Марцелев умно и интересно рассказывал об отдельных аспектах политических технологий и рекламы. Еще раньше Федута рассказывал в общих чертах о работе избирательного штаба. Серьёзное дело. Машина! Узнал, что во время кампании кандидат является полностью несамостоятельной фигурой: он должен со всей точностью выполнять директивы своего штаба. Что одевать, как сказать, с кем встретиться — стратегия штаба. Так что подлинными гениями выборов являются не сами кандидаты, а начальники штабов. Слушая эти рассказы, я понимал две вещи: как сильно мы уступаем на публичном поприще и как в реальной жизни иллюзорна «демократия» у «демократов». Народ — всего лишь электоральная масса и запасной козырь. Его настроениями манипулируют, используют в меркантильных целях (так большевики в своё время воспевали пролетариат). Во имя народа произносятся пафосные речи, но в действительности существует лишь демократия буржуазии и её политического аппарата. Чтобы не допустить народ к рычагам управления, первые буржуазные республики вводили имущественный ценз, так что фильтр проходили лишь состоятельные граждане. Лишь когда буржуазия убедилась, что всеобщее избирательное право не угрожает доминированию буржуазных партий, имущественный ценз был отменен. Народ для политика — то же самое, что море для моряка: средство передвижения, источник доходов и целый колодец фольклора. Но также и вечный символ стихии, сметающей всё на своём пути.

И всё же, несмотря на отсутствие внешнего финансирования и незнание социологических закономерностей и технологий, у анархизма есть два ключевых преимущества: неисчерпаемый энтузиазм и чистая правда. А технические возможности и способности — дело наживное.

В конце марта, наконец, началось ознакомление с делом. Нам добавили ст. 218 «Повреждение имущества». У Сани и Коли старт был с 3-х лет, вплоть до 10, у меня — с 7 до 12. Оказывается, бывают вот такие нереальные сроки на ровном месте. Раньше я думал, что столько дают за диверсии, терроризм, убийства и т.п. В первую очередь, я искал показания парней, чтобы больше не мучиться вопросом, выдержали ли они. Всё оказалось в порядке. Не прогнулись. Также было интересно, что сказали всякие свидетели и на чём вообще строилось дело. Отпечатки, избитый шаблон детективов — уже прошлый век. Запах (потовые выделения), клетки кожи, слюна и даже воздух в закрытых помещениях — вот по-настоящему существенные идентификаторы личности. У посольства нашли перчатки с потом Веткина и следами жидкости, возможно той же, что была найдена и на осколках бутылок. Ещё был его звонок с ближайшей остановки транспорта. В принципе, это само по себе ещё ничего не доказывает, но он решил иначе. Держался дней пять, потом сдался. Сначала указал соучастниками меня и незнакомую личность, затем приплёл Диму Дубовского, затем сменил Диму на Дениса. Вот так меняют товарищей на милость карателей и надежду на иллюзию свободы. Сука есть сука, гореть ему в аду.

Следак гнал на Сашу, дескать, тот духом пал, говорил мне ещё что-то насчёт сроков: типа дадут немного, но что не он их определяет, и т.д. и т.п. Только такие отмазки гражданина легавого не прокатят: он такой же соучастник этого судебно-следственного беспредела. Следак что-то ещё пытался втирать про ответственность, но ему было не понять одно: я уже давно забил и на «суд», и на срок. Я лишь хотел повидать своих товарищей и поскорее уехать из этого дурдома в лагерь.

Пришла газета, в которой была статья про освобождение Федуты: выпустили на подписку о невыезде. Но нормально порадоваться мы не смогли. Смущала одна деталь. Оказалось, что с нашей камеры его перекинули во вторую, транзитку, в которой он пробыл один... 55 дней! Вряд ли кто-нибудь обратил внимание на это обстоятельство, но мы поняли всё без слов. Хуже всех мучений — это быть одному и каждый день слышать, как мучают других. На третий день одиночества хочется лезть на стенку, на пятый — начинает съезжать крыша. Я пробыл в одиночке две недели (максимальный срок наказания в карцере), и я был счастлив, когда меня перевели к людям. Но почти два месяца... — это кошмар. Долго мы обсуждали, как нашему литератору дались эти дни, и никто не шутил, не улыбался, не высказывался легкомысленно. Пришли к такому выводу: каждому узнику «американки» в большей или меньшей степени пришлось хлебнуть ужаса и пострадать, но самая жестокая участь среди всех выпала Федуте. Мало того, что нужно было не сломаться. Не сойти с ума — вот, что было на повестке дня.

Апрель. Дело ушло в прокуратуру. Марцелев ждал суда, Макс — пройдёт ли или завернут второе дело, Денис ничего не ждал, у него все только начиналось. Вечером 11-го числа с проспекта доносился непривычный шум, как будто все сбегались на пожар. Дежурный дал распоряжение настраивать ТВ на госканал (хотя официально антенна была в нерабочем состоянии). Так мы узнали о теракте в метро. В первое время все думали лишь о своих близких. На следующий день принесли списки погибших и пострадавших. Страшно искать знакомые фамилии в таком перечне. Позже узнал, что полковник Орлов с пеной у рта забегал в камеру к политическим (в частности к Санникову²⁴), кричал на них и винил в произошедшем. Потом, правда, он приходил извиняться, но извинения приняты не были.

Но больше всего я ошалел, когда вычитал в газетах заявление Зайцева (председатель КГБ), что одной из версий произошедшего предполагается... месть анархистов! Это что нужно употреблять, чтобы додуматься до такого бреда? Каково в этот момент было Диме...

Понятно, что будут дёргать. Вечером дёрнули... В кабинете начальника было двое, сам Орлов и еще один, которого я уже видел раньше в кабинетах. Предложили посмотреть видео с камер наблюдения метро. Тот второй сел справа от меня якобы тоже смотреть видео, но на самом деле наблюдал

24 Санников Андрей Олегович — бывший кандидат в президенты Республики Беларусь, белорусский политический и общественный деятель, координатор гражданской кампании «Европейская Беларусь». Задержан во время разгона митинга 19 декабря 2010 г. В 2011 г. приговорен к 5 годам лишения свободы в колонии усиленного режима.

за моими глазами. То же самое было на допросе в четвертом отделении и тогда, когда приезжали опера с Могилёва по поводу поджога здания Бобруйского КГБ. Прокрутили видео, поинтересовались моими соображениями, но мне нечего было сказать, да и не для того меня привели. Напоследок дали с собой фото наилучшего кадра, хотя качество всё равно было отвратительное и ничего сходного с фотографиями в газетах не оказалось.

В день траура играла классика. СИЗО хранило гробовое молчание. Лишь идиот, контролёр Вася, умудрился закричать «БЕГОМ!», когда шли на прогулку. Серёга и Макс написали заявление на сдачу крови для пострадавших, но им официально отказали.

Марцелев ждал суда в конце апреля. Ему перебили статью с организации массовых беспорядков (от 5 до 15 лет) на обвинение попоуще (до 3–6 лет). Он долго терзался и колебался: признавать или нет. Ведь его поставили перед выбором: или старая статья, или новая, но с признанием. Мы уговаривали соглашаться, ведь для всех уже было очевидно, что в этой системе, не имеющей ничего общего с правосудием, малая кровь сродни победе. Сергей сильно нервничал и морально готовился на лагерь, а мы его за это дразнили и ругали, потому что нам казалось очевидным, что он получит условно (как оказалось впоследствии, Павлу Северинцу дали вполне реальную химию с направлением²⁵, так что опасения Сергея были вовсе не беспочвенны).

С Марцелевым мы частенько спорили. Он был социал-демократом и православным патриотом. Так что спектр споров был весьма широк. Больше всего меня возмущало его отношение к Первой Мировой войне, так как он поддерживал позицию Мартова, т.е. оборонческую позицию. А я считал бессмысленным взаимное уничтожение рабочих рабочими ради выгоды национальных военно-промышленных и военных кругов всех воюющих сторон. В первые дни заключения мне в руки по-

²⁵ Ограничение свободы с направлением в исправительные учреждения (жарг.)

пала «Семья Тибо. Ч.2». Книга о начале этой бойни, о социалистах Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, которые ещё накануне проповедовали интернационализм, классовую борьбу, всеобщую забастовку. Но чем больше накалялась ситуация, тем быстрее они скатывались в патриотическую яму и в итоге дружно пошли убивать своих вчерашних товарищей.

Вот они, социалисты! Марцелев утверждал, что это соответствовало интересам трудящихся, так как оккупация резко снижает их уровень жизни. Но разве сама война не вызвала еще большую разруху? Да и не в том дело. Неужели выбор из десятка сортов колбасы есть действительно нравственное мерило? Разве нравственно выбирать себе панов, причём ценой крови своих собратьев по классу? Патриотизм объявляется одной из самых главных нравственных ценностей человека. Национальные интересы превыше всего. Интерес — это корысть. Но с каких пор корысть — по территориальному или этническому признаку — приравняли к нравственным понятиям, к справедливости и добру? «Справедливо то, что выгодно», — такое видение патриотизма оказалось по душе тому полковнику КГБ из четвертого отделения, да и Орлов на 100% за этот подход. Вот так ныне мораль определяется корыстью. Такая модель не может иметь ничего общего с природной нравственностью, потому что уважение, честь, равноправие, альтруизм, взаимопомощь, права и свободы не могут иметь цвета флага или границ. Но именно этими качествами и ценностями определяется человечность человека, везде и во все времена. Патриотизм спекулирует на любви человека к своей земле, пытается отождествить себя с природной симпатией человека

к родным краям. Но вот есть, например, такое святое понятие, как любовь к матери. Никто и не думает строить вокруг этого, столь естественного и близкого чувства, какую-то идеологию. Почему же позволительно выдумывать идеологические концепции вокруг любви к земле? Тем более, что эти самые концепции требуют опровергнуть нравственность, возвыситься над общечеловеческими ценностями.

Говорят, нужно прививать гордость за своё. Но, если какой-то факт истории страны вызывает не гордость, а стыд? История Беларуси — это история различных периодов: славяно-балтских племён, ВКЛ²⁶, царской России, красной империи. На каком основании одни периоды отрицаются, а другие возвеличиваются? Я не хочу гордиться ни большевизмом, ни царизмом, ни княжеством. Почему-то забывается, что во времена Литвы народ находился в рабском положении. Да и как можно гордиться тем или стыдиться того, к чему сам не имеешь отношения? Можно восхищаться определёнными страницами нашей истории, и такие страницы найдутся в каждом периоде. Впрочем, как и страницы печали. В школах нужно прививать не лживый патриотизм, однобоко смотрящий на прошлое, а интерес к собственной истории. Это укрепит самосознание, предоставит пример наших предков — каким бы он ни был — для понимания настоящего.

Общество, основанное на свободе и справедливости, сильнее, чем социум, основанный на отфильтрованной истории и гипертрофированном коллективизме.

Я — беларус, потому что отношусь по происхождению к этой уникальной историко-куль-

26 Великое княжество Литовское.

турной общности. Это ни хорошо, ни плохо, это не повод ни для гордости, ни для стыда. Это есть и этого достаточно. А что касается ценностей, то человечество всей своей историей, философией и наукой выработало прочный этический фундамент — гуманизм.

Споря о социализме, я указывал на тот факт, что именно под властью «малиновых»²⁷ Европа зашла в тупик. Именно под властью социал-демократических правительств происходит демонтаж так называемого «социального государства». Разница между правыми либералами и эсдеками стала чисто косметической. Похоже, что между ними совсем не осталось отличий, кроме как идей по ставке налога на прибыль. Правые хотят ограничиться 25% (это средняя цифра в США), левые — большей цифрой. На деле, что рыночно-либеральная система США, что рыночно-социальная ЕС находятся в жесточайшем кризисе. И те, и другие набрали кредитов, а отдавать не получается. Финансовый капитал подчинил себе и правительства, и реальный сектор экономики. Государственный капитализм в лице СССР утверждал, что стремится к коммунизму. И рухнул как подкошенный, никакого коммунизма из книжек и близко не получилось. Рыночный капитализм утверждает, что великие депрессии остались в прошлом. Так почему же Америка с Европой оказались сегодня в такой заднице? Потому что устойчивое развитие, как и государственный коммунизм, — это миф. Хищники всегда останутся хищниками, как их ни назови.

Марцелев любил утверждать, что в современном мире классы больше не актуальны, а социальную структуру общества якобы определяют

27 Социал-демократы.

страты²⁸. Дескать, даже на каком-то там конгрессе Социалистического интернационала 60-х годов был упразднён классовый подход. Это решение не может обладать никаким авторитетом, так как социалисты во всех своих формах (и большевики, и социал-демократы) показали полное банкротство своих теорий. Капитализм не рухнул, правительство большевиков привело к тоталитаризму, а парламентские реформы превратили социалистов в очередную партию буржуазии.

Я вспоминаю, как в 2006 году уехал работать на Запад и смог самостоятельно, на личном опыте прочувствовать, что такое хвалёное «социальное партнерство». Я устроился в компанию Carnival Cruis Lines, занимавшуюся путешествиями на круизных лайнерах, в основном, в Карибском бассейне. Как и многие другие, я рассчитывал упорным трудом заработать денег побольше, ведь США всегда ассоциировались с формулой «больше работаешь — больше получаешь». Увы, реальность оказалась совсем иная... Работа на лайнере — это десятичасовой рабочий день чистого времени, без выходных в буквальном смысле. У большинства работников, например, поваров, кладовщиков, уборщиков, стюардов, маляров оклад был от 450 до 780 долларов в месяц. Переработки не оплачивались, потому что официально их не было: менеджеры подправляли отработанное время. Подработки — на них все очень рассчитывают — официально строгойше запрещены. Никаких доплат, никаких бонусов. По большому счёту, мы работали за деньги, которые при желании можно было заработать

28 Страта — элемент социальной структуры (социальный слой или группа), объединенный неким общим социальным признаком (имущественным, профессиональным или иным).

и у нас менее тяжким трудом. До этого мне приходилось работать и на дорожно-плиточной укладке, и маляром-штукатуром, и на строительстве жилого дома (заливка фундамента). Так что мне было, с чем сравнить. Но тот уровень нагрузок, что был на корабле, оказался совсем запредельным. Сбитые в кровь мозоли на ногах, растяжение связок на руках, проблемы с позвоночником — самые обычные спутники жизни там. Доходило до того, что у девушек менялись месячные циклы. Даже бывалые ребята, успевшие поработать на клубнике в Европейском Союзе, на птицефабриках в Англии и в ресторанах США проклинали эту работу. У официантов и obsługi кают ситуация была не намного лучше: 900–1100 долларов — оклад, почти без возможности получать чаевые. Хуже физических условий работы был моральный климат. Повсюду супервайзеры, подгоняющие работников, система стукачества, охрана с дубинками, нарушение за то, что не улыбнулся офицеру или поговорил с пассажиром. Алкоголизм и наркотики — как единственный способ снять стресс. Ситуацию усугубляло абсолютное бесправие перед начальством: менеджеры могли в открытую валить свои косяки на тебя, и ты ничего не мог сделать. Там действовала круговая порука, не оставляющая и шанса доказать правоту. Работники были разделены на несколько иерархических каст, у каждой из которых свой регламент и уровень прав. Даже столовые для каждой из каст различались. Обычным чернорабочим нельзя было ходить в шортах, иметь своеобразную прическу, разговаривать с пассажирами. Другой касте, обслуге, уже можно было разговаривать с туристами. «Белым воротничкам» разрешалось иметь любой внешний вид, заводить знакомства

и дружить с клиентами компании, пользоваться их сервисами, а офицерам вообще можно было всё, вплоть до рукоприкладства. Делалось всё, чтобы препятствовать общению между кастами. «Белым воротничкам» запрещалось приходить в столовую для «негров», ходить вместе в порт или тусоваться в баре. Помню, приезжала одна скрипачка из Минска. Нормальная девчонка. Ей было плевать на эту иерархию. Однажды мы вместе, большой компанией пошли на пляж. Кто-то стуканул, её вызвали в офис и полчаса полоскали мозги, дескать, с такими тебе тусоваться нельзя. Или познакомился с одним панком из Канады, звукотехником. Поиграли в настольный футбол, через час уже доложили наверх. Бред, но так всё и было устроено. Разделяй и властвуй. Ситуация доходила до откровенного маразма. Работники приезжали на корабль парой, но один из них был ниже другого по статусу. Как правило, пара распадалась. Что не делала сама система, то доделывала выработавшаяся система пресмыкания, зависти, лицемерия, доносительства, презрения, злорадства. В такой атмосфере даже разовый секс между представителями разных каст воспринимался как протест против этой «морали». После таких рабских условий и скотского отношения никаких иллюзий в отношении капитализма не осталось. Тот уровень демократии, что есть в западных странах, обусловлен не столько рынком, сколько готовностью людей защищать свои интересы и выходить на улицы.

В этом плане я сильно зауважал американцев и европейцев. Чувство собственного достоинства и классовое самосознание у них на порядок выше. Но, как бы там ни было, были и есть правящий класс и класс трудящихся. Их — 1%, нас — 99%.

Беларусь с её смешанной экономикой и диктатурой бюрократии рано или поздно впитает в себя современные корпоративные методы управления (в сфере IT и некоторых областях торговли это уже есть). Но ничего хорошего это нам не принесёт. Никакого освобождения, лишь более изощрённую эксплуатацию и кредитную зависимость от банков, которая сродни наркомании.

Я коротал время за чтением «Часа Быка» Ефремова. Медленное, вдумчивое чтение. Как у Стругацких. На Земле восторжествовало солидарное общество. Были реализованы высшие свободные идеалы. Государство перестало существовать. Люди жили обеспеченно и интересно. Управление осуществлялось горизонтальными структурами, служившими средством координации для общей пользы. Многосторонне развитый, гармоничный и нравственный человек — центр такой системы. Когда-нибудь такое общественное устройство станет самым обычным явлением. А сегодня приходится жить в мире, где кругом горе и беда, где ростки разума и радости пробиваются лишь вопреки мрачным условиям.

Марцелев отсудился, получил условно. Прокуратура завернула дело Макса, и его тут же этапировали на «Володарку». Дениса перекинули. Больше я о нем не слыхал.

Меня переместили в соседнюю, пятую камеру. Май начался с ожидания суда...

Новая камера отличалась от других четырехместных тем, что в ней было не одно окошко, а целых два. Невиданная роскошь!!! Но гораздо более примечательной оказалась компания. Снова я встретил Владимира, с которым вначале был в одной камере. Меня поразили произошедшие с ним изменения: за 4 месяца из бодрого пожилого мужичка он превратился в заметно поседевшего, ватного, прибитого старика. Предположим, что его оправдают. Но как государство сможет компенсировать *такое*?

Двое других сокамерников оказались сотрудниками правоохранительных органов, попавшими под молотки системы, которой сами служили. Первый, Сергей Елин, был заместителем прокурора Гродненской области. Обвинялся в получении взятки. Интересны обстоятельства дела. Человек, давший взятку, какое-то время пытался решить через Сергея свои вопросы, но последний отказывался. Тогда этот субъект вышел на комитетчиков и предложил «утопить» неговорчивого следователя. Во время первой попытки он пробовал передать Елину 5 тысяч долларов, но безуспешно. Тогда на следующий день он повторил свой маневр, но на этот раз, снова получив отказ, предложил взять всего 500 долларов «за юридические услуги и потраченное время». Елин взял, и тут же был повязан. В деле первый эпизод отсутствовал вовсе, как будто его и не было. Аудиозапись разговора во время передачи де-

нег была предоставлена самим провокатором, хотя задержанием занимался комитет! Неудивительно, что аудиофайл имелся лишь на диске, а на диктофоне оригинала не оказалось (якобы был стерт из-за нехватки места). По словам Елина, в этой записи не хватало ряда реплик, свидетельствовавших в его пользу. Комитетчики не имели санкции на скрытую прослушку и не могли предоставить её в суде. Поэтому, по всей видимости, они и придумали историю с диктофоном. А на самом деле всё прослушивали, записали на диск лишь нужное им и подшили в дело. Вот так, безо всякого первоисточника по «странному» совпадению именно Елин закрыл в прошлом одного из руководителей «Лидской муки» (вроде, директора), который ходил под конторой...

Второй силовик, Захар Джилавдари, успел поработать опером в ОБЭП, УБОП и ДФР²⁹. Участвовал в расследовании взрыва в Минске в 2008 г. Именно он разрабатывал последнего белорусского вора в законе, Бирю. Но самый интересный момент — это арест Захаром первого зампреда КГБ, если не ошибаюсь, по делу о таможне, т.е. он участвовал в оперативно-следственной группе Байковой³⁰, той самой опальной прокурорши. Самому Захару вменяли покушение на получение взятки со слов свидетеля. Правда, в суде свидетель ошибся

29 ОБЭП — Отдел по борьбе с экономическими преступлениями;

ДФР — Департамент финансового расследования.

30 Байкова Светлана — старший следователь Генеральной прокуратуры Республики Беларусь (РБ) была задержана сотрудниками КГБ в феврале 2010 г. Обвинялась по пяти статьям УК РБ. Дело получило широкий общественный резонанс. Байкова была признана виновной в превышении служебных полномочий и приговорена к двум годам ограничения свободы («домашняя химия»).

с суммой предполагаемой взятки, а также не смог конкретно указать валюту (баксы, евро, рубли). Обвинение не растерялось, переквалифицировав дело по статье «Бездействие» (до трех лет). Мелочь, казалось бы, да только человек (хоть и мент) уже 9 месяцев в этом бетонном колодце сидел... Интересная деталь: Захар за неделю трижды столкнулся в коридоре на кабинетах с... Байковой! Суть в том, что в КГБ случайно столкнуться невозможно. Контролёры сопровождают арестанта свистом, чтобы случайная встреча вовремя оставилась. В крайнем случае, приказывают отвернуться к стене, как пару раз и случалось. И лишь однажды к нам в камеру завели левого человека. Попутали номера. Было видно, как контролёры испугались и моментом вытянули его. Видимо, это считается серьёзным косяком.

Таким образом, Захару дали понять, за что на самом деле он попал под молотки системы. Дело в том, что в стране еще в 2009 году шла самая настоящая война силовых структур между собой, и засадить друг друга для них — святое дело. После принятия постановления, позволяющего продлить арест на 2 месяца без санкции прокурора (как и прослушку), война приняла воистину грандиозные масштабы. Теперь МВД (в лице нескольких отделов), КГБ и ДФР получили возможность возбуждать те дела и упечь в СИЗО тех людей, которые бы раньше не прошли в прокуратуре. Более того, если раньше между структурами существовала специализация, т.е. конкретный перечень статей в уголовном кодексе, подлежащих расследованию определёнными ведомствами, то сейчас этой грани нет. Естественно, силовики принялись давить один одного. Сравнительная статистика за 2009–2010 гг.

показывает... двухкратный рост по коррупционным статьям! Дело Байковой ознаменовало конец прокуратуре как реальному органу. ДФР также пал жертвой КГБ: сначала поставили своего директора (бывшего чекиста), потом одного за другим арестовали наиболее независимые кадры (к примеру, дело Адамовича³¹, сидел параллельно с нами). Тут, кстати, можно припомнить того же Киселёва Александра. Ирония судьбы, но дфровец, возбуждавший дело на него, заехал в «американку» следом, причем... в ту же самую камеру, где находился Киселёв. Мир тесен до безумия! Он и рассказал Саше всё, как было. Как однажды к этому следаку пришли двое комитетчиков с просьбой возбудить дело, где толком и состава преступления не было. Следак начал возражать, что в прокуратуре точно не прокатит, но комитетчики сказали, что возьмут прокуратуру на себя. Вот так заехал Киселёв. Суды контролируют частично и, в частности, некоторые районные суды Минска и столичный городской. Верховный суд, может, ещё и нет, но, по всей вероятности, это вопрос времени. А вот совладать с МВД гораздо труднее. Во-первых, численность 100.000 против 5.000. Во-вторых, в МВД существует ГУБОП, подчиняющийся напрямую министерству. И хотя КГБ имеет техническое и кадровое преимущество, занимаются они, судя по узникам «американки», одним и тем же. А два козла на один огород, как известно, слишком много, так что убоповцы имеют тот же опыт, и сами готовы отправить какого чекиста отдыхать на «Володарку». Елин се-

31 Адамович Дмитрий — начальник управления по расследованию преступлений ДФР КГК. Задержан в августе 2010 г. Подполковник финансовой милиции был обвинён в совершении преступлений против интересов службы

товал, что из-за этой борьбы резко снизился профессионализм следователей: уже нормально дело сшить не могут, всё больше приходится уповать на покорность прокуратуры и судей.

Такой расклад среди силовиков поощряется правящей кликой, да и сам метод не новый: в истории был один русский грузин, любивший тасовать кадровые колоды. Метода называется «выведение крысиного короля». Аппаратчики грызутся и рвут друг друга, в итоге доминантное положение занимает самый беспринципный, но эффективный. Сама же верховная власть остаётся неприступной: в случае сомнений в верности «крысиного короля» правитель вываливает на него припасённый компромат.

Захар рассказывал, как выявили в Дроздах блядюшник для VIP-клиентуры из верхов. Но только решили накрыть заведение, как по телефону от начальства поступила чёткая директива: «Уёбывайте немедленно отсюда нахуй!». Или же был случай, когда новый директор ДФР еще не освоился. Ему умудрились успешно подсунуть на подпись список предприятий на плановую проверку. Все бы ничего, только в списке невзначай оказался «Трайпл»³². Когда пришло время проверки, директор схватился за голову и промолвил Захару: «Ты знаешь, чьё это?».

Затрагивали мы и тему оппозиции. Надо сказать, ходило немало слухов про всякие нюансы политических дел. Достоверно разобраться не представляется возможным, поэтому я принципиально

³² Группа компаний «Трайпл» — проект белорусского бизнесмена Юрия Чиж, действующий с 1992 г. С марта 2012 г. Чиж внесен в список невъездных в Евросоюз за поддержку белорусского режима, на ООО «Трайпл» наложены санкции.

опущу эти моменты. К тому же после эпизодов со всякими романчуками и рымашевскими³³ и первой реакцией оппозиционных СМИ репутация оппозиции и так не ахти какая. Но один случай произошёл при Джилавдари с Елиным. Пусть о нём знают все. Дело было 31 декабря 2010 г. в камере № 1, где в то время находился Дмитриев, начальник штаба Некляева. Вечером Дмитриева потянули на кабинеты, где он выторговал себе освобождение неизвестно за что. Затем его подняли назад в камеру, чтобы он собрал свои вещи. Однако сокамерникам Дмитриев сказал, что, дескать, ему обещали Новый год в окружении масок. Мужики собрали ему с собой два пакета с едой и, переживая, распрощались. А гражданин Дмитриев ровно потопал домой... В разговоре он, не стесняясь, рассказывал, как построил квартиру и срубил денег на президентской кампании, а сама политика демократических сил ему фиолетова. Вероятнее всего, Дмитриев донёс пакеты с продуктами до ближайшей урны, хотя, кто знает, может, и к новогоднему столу, ведь всеядный политик ничем не брезгует.

33 Романчук Ярослав Чеславович был выдвинут от имени Объединённой гражданской партии кандидатом в президенты на выборы 2010 г. После событий 19 декабря сделал заявление, в котором осудил других кандидатов за организацию беспорядков. За это подвергся жесткой критике и обвинениям в предательстве среди оппозиции.

Рымашевский Виталий Анатольевич был выдвинут кандидатом в президенты от Беларускай Хрысціянскай Демократыі на выборах 2010 г. Задержан после разгона властями митинга против фальсификации итогов президентских выборов. 20 мая 2011 г. признан виновным по ст. 342 УК Беларуси «Организация групповых действий, нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них» и приговорен к 2 годам лишения свободы с отсрочкой на 2 года. Некоторыми представителями оппозиции подозревается в сотрудничестве со спецслужбами.

Целыми днями мы беседовали на темы устройства следственно-судебной системы, особенностей различных структур, работы оперов и следователей. Много спорили и о политике. Так или иначе, сошлись на том, что без активного участия народа, без реального контроля общества за управленческими структурами любая республика скатывается в фазу диктатуры. Это может показаться странным, но сами менты понимают это прекрасно, так как ежедневно видят расклад изнутри и не питают иллюзий в отношении истинной природы власти.

Сама судебно-следственная система проста и кошмарна до безумия. Ключевой момент: реальная власть находится у оперов. Именно они проводят всю предварительную разработку, накапливают материал для возбуждения уголовного дела. Тут нет никаких ограничений. Всё строится на личном опыте, логике и интуиции. В ход идут любые улики. Юридическая сила их не важна. Главное для опера — создать картину событий, в которой угадывается шаблонное преступление. Его начальник на основании субъективных впечатлений принимает решение о возбуждении дела. Определяющим критерием успешности карьеры опера является количество возбуждённых дел. Ему выгодно трактовать ситуацию в сторону наличия состава преступления и причастности к нему подозреваемого.

Основание для подозрения — субъективное мнение опера. Любого человека можно закрыть в ИВС на трое суток просто потому, что опер так захотел.

Тут наступает момент истины. По любой мало-мальски косвенной зацепке могут предъявить обвинение. Обычный окурок сигареты со следами ДНК (слюна, пот), сигнал сотового телефона не-подалёку, пустая бутылка с отпечатками или показания недоброжелателя являются достаточным основанием для ареста и помещения человека в СИЗО, т.е. тюрьму. Раньше арест санкционировался прокуратурой и для положительного решения в сомнительной ситуации в ход шли личные связи, учитывался фактор заинтересованности влиятельных лиц и т.п. Теперь же для ареста на 2 месяца достаточно подписи начальника силового ведомства. Как только человек арестован, он скользит по наклонной вниз, прямо к приговору. С этого момента все остальные фазы этой системы — формальность, и чем дальше, тем больше. Когда дело возбуждено, оно передаётся следователю. Хоть эта фаза и называется «предварительное следствие», на деле следователь лишь досматривает и оформляет материалы, добытые опером, согласно юридическим нормам. Показатель карьерного успеха следователя — отношение количества дел, доведённых до обвинительного приговора, к общему количеству расследуемых дел, т.е. попросту коэффициент приговорённых. Другим важным показателем является тяжесть статьи УК согласно классификации уголовно-процессуального кодекса (менее тяжкие, тяжкие, особо тяжкие). Поэтому каждому следователю выгодно, чтобы человек: а) сел; б) по наиболее тяжким статьям.

Самое ужасное — то, что перечисленные показатели успешности опера и следователя носят не какой-то скрытый, неформальный характер, а закреплены официально: именно по этим признакам сотрудники получают премии, должности и очередные звания. Нет большей катастрофы для следователя, чем оправдательный приговор. Это может привести к самым жёстким мерам взыскания, вплоть до увольнения. В случае, если во время предварительного следствия следователь понимает, что по желаемой статье человека упаковать не удастся, то он может предложить переквалифицировать дело по другой, более слабой статье, вплоть до условного срока либо ограничиться уже отсиженным в тюрьме. Для обвиняемого это уже победа: выйти абсолютно целым из этой мясорубки практически невозможно. Такое устройство системы порождает следующую статистику: КПД обвинительных приговоров в РБ... более 99,7%! В Европе эта цифра составляет 80%, причем большинство сидящих у нас никогда бы не сели там. В 37-ом году, с его «тройками» и заочными судами, было 10% оправдательных приговоров.

Когда следователь сошьёт дело, он отправляет его в прокуратуру. Только в этом промежутке обвиняемый и адвокат, наконец-то, могут ознакомиться с материалами. До этого следователь с операми могут приоткрыть лишь некоторые карты. Адвокат — фактически бесправная личность, и мало что может сделать. Прокуратура должна проверить дело на предмет, не полное ли это шило. Судя по тому, что всплывает на судах, прокуратура свою работу делает спустя рукава. И, наконец, последний этап — суд. Суд — это блеф, спектакль. Судья никогда не видит нестыковок и нарушений.

Для него процесс давно превратился в рутину. Даже в очевидных случаях, когда налицо явное логическое противоречие, судья сделает вид, что ничего необычного нет. Судья не хочет идти против течения, ведь всё уже готово, разжѐвано и подано на блюде. Судье проще осудить обвиняемого с сомнительными обстоятельствами дела и, тем самым, переложить ответственность за судьбу человека на вышестоящий суд (городской, Верховный), в который подаются последующие апелляции и жалобы.

Таким образом, приговор фактически выносит опер. Дальше всё идет по конвейеру, точнее по системе шлюзов: вроде и с малого начинается, но сработанным механизмом всего устройства этой системы малое трансформируется в среднее, а среднее — в крупное, развернутое и основательное.

Весь вопрос в том, чтобы найти изначальные зацепки, которые станут «доказательствами». Опер, не найдя никаких улик (а шерлокхолмсы либо свалили из органов, либо сидят), почешет не больно умную голову и прибегнет к старому и надежному методу — показаниям.

Свидетелям угрожают тем, что они могут перейти в статус «подозреваемого», а где подозреваемый, там и обвиняемый. Классическая схема: даёшь показания — проходишь как свидетель, не даёшь — как соучастник. Если же обстоятельства дела не предусматривают соучастия, то давят на укрывательство, угрожают проблемами на работе/учебе, в т.ч. у близких.

Другая схема, более сложная, предполагает использовать показания другого обвиняемого в обмен на обещание более мягкого наказания. Работает безотказно по ст. 328 (наркотики). Пред-

полагается, что наркоманы образуют единую социальную среду, так что каждый из них так или иначе покупает наркотики у других или перепродает их другим. Получается своеобразный сетевой маркетинг.

Например, берут троих наркоманов с несколькими граммами травы или амфетамина. Это квалифицируется как ст. 328 ч. 1 (хранение, до 3-х лет, менее тяжкое преступление). Двое получают условно, ограничиваются отсиженным или получают пару лет. Это если повезет, ведь следователь может слово и не сдержать. А могут и сами попасть на роль раскручиваемого, и заехать следом за третьим на 8 (если признают вину) или на 9 (если не признают) лет. Такая вот карусель.

Наиболее ценными материалами для следователя, конечно же, являются собственные показания обвиняемого. В идеале — признание вины. В этом случае следователь, не запариваясь, будет потихоньку оформлять дело с полной уверенностью, что ничего не сорвётся. Для получения показаний применяется разнообразный набор средств. Обычно требуют взять на испуг. Дескать, даёшь показания, и тебе самому будет лучше. Или врут, говоря, что понимают положение, что сами верят в твою невиновность, что сделают всё, чтобы дело не сложилось, но нужно дать показания, чтобы «иметь возможность помочь тебе, парень. Ведь ты — «нормальный пацан». Или угрожают ужасами тюрьмы, в частности, что закинут в пресс-хату, к петухам, к больным туберкулёзом, к гаммам³⁴. Могут угрожать и осложнениями у близких, вплоть до реальных попыток надавить на них. Основная ставка делается на психологический слом допрашиваемого

34 Бомжи, грязнули (жарг.)

го. Методы чередуют, изматывают долгим допросом, давлением, криками, руганью, оскорблениями, ограничением передвижения, жаждой, ярким светом.

Если с наскока взять показания не получается, кидают в камеру «помариноваться» и ставят на измор. Тюремная атмосфера в первые дни воспринимается тяжело. Неизвестность и суровость рождает панику и страх. Бывает, что человек нашёл в себе мужество выдержать дознание. Но камера с ее неизвестностью, кошмарностью, изолированностью от всего, разрушает оборону и человек мужество утрачивает. При последующих вызовах делают вид, что хотят помочь. Могут применить и насилие, начиная с угроз и кончая имитацией, либо незначительными ударами (пощечина, подзатыльник, удары в грудь, по ноге). На серьезное насилие и пытки, а также на осуществление угроз расправы в камере, как правило, не идут. Но, в принципе, пойти могут. Такие методы — уже очевидный состав преступления. Работы, тем более свободы, никто лишаться не хочет. Хотя в качестве исключения всё может быть. Историй хватает. Люди терпят, не сдаются и выходят победителями.

Даже отрицательные показания всё равно уже кое-что для них. Ведь в случае зафиксированной «несознанки» им уже есть, от чего отталкиваться. На показаниях, данных во время предварительного следствия, строится около 80% дел. Система привыкла к такому ходу событий. И это — её главная слабость: следовательно больше всего опасается отказа от дачи показаний. Ведь им придётся всё делать самим, искать сильную доказательную базу. Не говоря уже о том, что нет гарантий, что фальсификации останутся незамеченными. К при-

меру, следователь подготовил левого свидетеля. На его показаниях строится дело. А обвиняемый вдруг на суде даёт такие показания, что становится слишком очевидна ложь свидетеля. Следователь может серьёзно попасть. Так что отказ от дачи показаний — самый действенный способ, самая выгодная позиция.

Так или иначе, как только человек арестован, его шансы на оправдание мизерны. Отделаться малой кровью — это уже победа. Но в любом, даже самом благоприятном случае победа окажется пирровой.

И три месяца в СИЗО — огромный срок, сродни наказанию. Те, кто нашёл зацепки и борется, могут сидеть год, два года и даже больше. За это время в жизни многое изменится, утерется, поломается, рухнет, позабудется. Это всё равно жестокое наказание, наказание за то, что осмелился идти против течения, дерзнул подвергнуть авторитет власти сомнению.

Чтобы понять полностью, *как* функционирует следственный механизм, необходимо сказать о его ключевом компоненте, который приводит систему в движение, определяет конкретные цифры, отвечает на вопрос: «Почему именно столько?». Имя этому компоненту ПЛАН. Он не существует официально, но в действительности определяет всю количественную работу следствия. Суть плана определяется формулой: сколько дел было возбуждено по преступлениям каждой степени тяжести в прошлом году, столько же (не меньше) должно быть возбуждено и в текущем. Аналогично с коэффициентом раскрываемости. Другими словами, опер и следователь руководствуются не только поощрительными (карьерными) мотивами: они

вон из кожи лезут, чтобы выполнить нормативы. Не справляешься — освободи место другому, пусть менее профессиональному, зато более изворотливому и безнравственному.

Презумпция виновности — вот основное кредо карательной (по-другому и не назовёшь) системы белорусского режима. Вот что такое мораль и правосудие белорусского государства!

Совсем скоро первое заседание суда. Его ждешь, как избавления. Когда дело передали в суд, дали краткое свидание с отцом. Стекло, телефонная трубка... Тяжело находиться в метре от столь близкого человека и не иметь возможности обняться. Отец даёт понять, что осознает, что меня посадят. Я рад, что он это понимает и морально готов. Ведь все эти надежды в письмах, дескать, «тебя 100% оправдают» и т.п. вызывают лишь горькую ухмылку. Правда всегда лучше. Даю понять отцу, что дух мой крепок и приговор приму безмятежно.

Последняя ночь перед судом... Очень хочется ощутить смену обстановки, увидеть родителей, родных, друзей, знакомых, товарищей, сочувствующих. Наконец-то смогу хоть немного пообщаться со своими соратниками. Сколько лет совместных надежд, чаяний, проб, ошибок, разочарований, достижений, собраний, споров. Все мы начинали с полного нуля, с неясных побуждений к свободе, к правде, к справедливости, к братству. Рамки молодёжных движений были для нас слишком узки, потому что наша интуитивная тяга к свободе не признавала полумер. Человеческая личность не должна знать пределов. Первые статьи об анархизме на дискетах с недокачанных «кривых» сайтов, первая книга Кропоткина. Не было сокровища дороже, ибо там раскрывалась мечта. С этого мо-

мента ни всесилье власти, ни раболепие народа, ни равнодушие обывателя уже не могли остановить нас. От разговоров на лавке за пивком — к первому самиздату. Первая группка на районе, затем в институте. Участие в демонстрации, знакомство с такими же энтузиастами. DIY-субкультура, собрания, публичные акции, стикеры, брошюры, периодика... Уличная война с фашистами, концерты, поездки... С уходом первых людей уходит и первая романтика. Кто остался — сплочается теснее... Кризисы в личной жизни, как выстрелы снайпера, выкашивают ряды... Безоблачное детство закончилось: трудоустройство, квартирный вопрос, платежи заставляют по-новому взглянуть на слова «социальная справедливость», «экономическая эксплуатация». Это — то, чем мы дышим каждый день... Меньше слов — больше ответственности, такое понимание становится во главу угла. Повсюду чувствуется рост, количественный и качественный. Это началось в 2008 году. Анархизм. Уничтоженный окончательно в ГУЛАГе, возродился в перестройку. Прошло еще 20 мучительных лет, пока сменялись несколько поколений активистов, пока нащупывались методы и организационные формы. Теперь мы — полноценное общественное движение и готовы драться за полную реализацию гуманистических идеалов.

Власть жаждет наших покаяний, обливания грязью друг друга, попыток выставить нас сломленными людьми, сокрушающимися о своей «загубленной» жизни. Власть хочет видеть показательный процесс, чтобы другим неповадно было, чтобы упиваться своим могуществом. Но этому не бывать! Мы не променяем саму суть нашей жизни на жалость и пощаду. Мы не дадим повода

товарищам сомневаться в нашем жизненном выборе! Мы слишком любим свободу, чтобы молить о ней. Наши близкие увидят решимость и непоколебимость на наших лицах. Гордость родных и уважение друзей, а большего и не надо. Мы уедем в лагерь, оставшись самими собой, сохранив свою личность...

... Утро. Конвой, наручники, автозак, глухой «стакан»³⁵ в крошечной тьме. Машина мчится по зеленой, с мигалками. Чтобы усидеть на месте, приходится упираться головой в стенку. Подъехали прямо к дверям с чёрного входа. До дверей двойной коридор из ментов. Поодиночке ведут в подвал. Распределяют по камерам-стаканам, на этот раз бетонным. Полметра на метр. Шмон: тщательно проверяют одежду. В этот момент встречаемся взглядами. Саня, Колян... Столько хочется сказать, обняться, пожать руки. Но пока здороваемся, придирчиво оцениваем друг друга. Видно, что каждый хочет избавиться от мельчайших внутренних сомнений: «А не пали ли духом?» Но по твердости голоса, по манере поведения с ментами очевидно, что никто не прогнулся. Общаемся смелее, несмотря на постоянные замечания конвоя, и от этих первых слов становится тепло на душе. Веткин пробует общаться, но с ним никто не разговаривает. В его глазах лишь школьный интерес. Мог быть всем, а стал никем. Это печально. Ожидание в стакане. Стены исписаны: погребухи³⁶, статьи, сроки, пожелания. Больше всего 205-х и 328-х, кражи и наркотики. Добавляю себя, рисую символы и лозунги. Пусть

35 Заднее место в полицейском УАЗике (жарг.)

36 Прозвище, кличка (жарг.)

знают, что сидят не только за корысть или бытовуху. Время идёт очень медленно.

... Наконец, наша очередь. Выстраивают колонной и выводят в зал заседаний. В холле куча народа, вспышки фотокамер. Всё это вводит в ступор. У входа — металлоискатели, очень много милиции и людей в гражданском, бред какой-то. В клетке снимают кандалы. Пробуем общаться, но вертухаи следят зорко, пресекают общение. Говорят, что суд оцеплен ОМОНОм. Одним словом, цирк вокруг цирка. Приходят адвокаты, один за другим появляется множество знакомых и незнакомых лиц. За долгие месяцы в СИЗО так отвыкаешь от социума, что теряешься при таком обилии людей. Родители, родственники, друзья, приятели, товарищи. Эта поддержка многократно укрепляет. Ведь своими глазами убеждаешься, что можешь рассчитывать не только на себя, но и на всех этих неравнодушных людей. Изоляция изолятора трещит по швам.

Судья и две кивалы³⁷ делают вид, что не замечают абсурдности ряда улик и показаний, давления оперов и т.п. Зомби. В показаниях свидетелей отказ за отказом. Прокурор давит, но безрезультатно. Долгие нудные часы абсолютно бесполезных слов левых людей, а я смотрю в окно. Никогда не думал, что так буду рад увидеть зелень деревьев и чистое синее небо. Не в клеточку.

Прокурор, получивший кличку «дружище бобёр», на прениях заявляет, что мы признаём лишь законы физики и химии. Верно, как и все естественные законы бытия: законы биологии, истории, а также самый главный нравственный закон,

³⁷ Кивала — народный заседатель, присяжный в суде (жарг.)

утвержденный всей сутью человеческой природы и социального развития.

Последнее слово. Не готовился, думал, что завтра. Решил сказать о Диме Дубовском, нашем оболганном и преследуемом товарище. Веткин и Конофальский, подонки, назвали его ответственным за некоторые вещи, но так заврались, что на суде это выплыло. Из нас четверых ему выпали самые тяжёлые испытания. Пусть даже ему и удалось сохранить то, что в этом убогом обществе называют «свобода». К нему применили самые подлые и мерзкие методы оперативной разработки. Но Дима всё вынес и преодолел любые трудности. Такие люди — навсегда. И годы в застенках не преграда для нашего братского товарищества. Саня и Коля сказали очень достойно. За нами нет вины перед совестью, а значит, любые лишения — лишь награда. Приговор. Что ж, Махно сидел и нам велел. Восемь лет на одном вздохе! Последний взгляд на близких мне людей. За исключением родителей, я их увижу совсем не скоро. Прощаюсь с адвокатом. Его появление в СИЗО КГБ было как глоток свежего воздуха. И в этой безнадёжной ситуации он смог мне помочь. Пожимаем руки и обнимаемся с Колей. Для меня честь разделить судьбу с такими людьми.

Веткин выхватил милость: 4 года химии. Он, Захарчик, Арсенчик, Бурочка будут жить жалкой презренной жизнью. Нет прощения предательству. Если у них будут дети, чему их научат *такие* отцы?

... Снова автозак; остановка «КГБ». Выходя, кричу: «Товарищи, до встречи!»

Свидание с родителями. На этот раз пустили и мать. Наши дорогие матери... Кто уж по-настоящему несчастлив, так это они. Отцы тоже страдают, но по природе своей понимают, что суровые испытания пойдут их чаду на пользу. А мать не принимает никаких доводов, если её сын за решёткой. Заключённых всегда двое. Мать не может и дня прожить без переживаний за своего ребёнка. Стоять в очередях на передачу, ждать письма, ловить любую новость о тюрьме или колонии, где мы отбываем срок — вот их приговор изо дня в день, из года в год. И потому настоящими героями и мученицами являются матери заключённых. Знаю и вижу, что очень за меня переживают. Но мне радостно видеть их бодрыми и гордыми. Обсуждаем суд. Узнаю мнения разных людей, их приветы и пожелания. Это поражение, на самом деле, — наша победа. Такими процессами режим копает себе могилу. Не учли уроки сталинских репрессий, не учли.

Последние дни в «американке». Чувствую, как это место теряет свою власть. Лучи солнца на шершавой стене смотрятся очень красиво. Но всё же в них остается что-то тревожное. Эти полгода не дались даром. На душе навсегда останется отпечаток этого дома, красного дома. Никогда не забыть мне то измерение, когда внешний мир распадается,

когда умирает даже надежда, когда не существует ни времени, ни пространства. И в этом унылом постоянстве жизнь сворачивается в клубок чистого страха и чистой воли. Последний раз оглядываю эти массивные и суровые стены, коридоры, лестницы, поручни, вышку, мотки проволоки, железные двери. Сотни деталей, и все образуют монолит, наделённый единственной целью — растоптать личность. Но именно в этом аду, благодаря этому кошмару, я смог заглянуть в себя и многое понять. Отменный материал для антиутопических картин, для музыки в стиле *industrial ambient*. Жаль, в искусстве не смыслу, не то раскрыл бы это содержание через форму. Увы!

За неделю трижды сталкивался с симпатичной девицей с белыми косами. Из obsługi. С чего бы это такая расхлябанность контролёров? Хотя всё равно. Я уже морально не здесь. Со дня на день ожидаю этапа на «Володарку». В камере каждый ушёл в себя. Все на судах. Владимиру пришёл отказ по помилованию. Захар сказал, что «дядя Вова» рассчитывает очень сильно на применение ст. 70 (меньше меньшего), но такое снисхождение нужно чем-то заслужить. Вспоминаю, как у Молчанова при ознакомлении с делом оказалась бумага о камерной разработке, не давшей результатов. По датам восстановили тот день и вспомнили, что через пару дней Владимира перевели. Сюда же и его расспросы о том, кто у анархистов главный, кто мне распоряжения отдаёт. И попытки узнать рецептуру коктейля Молотова, и подстрекательство к действиям как БГ (в книге Акунина «Статский советник»). В свою очередь, я «врубал дурачка» и вешал дятлу всякую лапшу...

В один из этих последних дней открылась дверь и в камеру вошел... полковник Орлов собственной персоной! Естественно, по мою душу. Состоялась беседа. Начальник интересовался моим настроением, отношением к предстоящему сроку. Даже выразил некоторое сочувствие. Я не верю в сентиментальных чекистов и потому ждал сути диалога. Несмотря на это, все-таки был застигнут врасплох. Орлов вдруг прямо в лоб выпалил: «А давайте к нам хакером? Вон как китайцы развернулись! Собственный ноутбук Вам дадим». Признаться, я оторопел и совсем потерялся. Тогда Орлов выдал вторую порцию: «Ну, если не хотите хакером, давайте сюда в хозяйственную службу. Тут хорошие условия, много преимуществ». Разрыв шаблонов, вынос мозга, тотальный шок... Неужели я где-то когда-то хоть в чем-то дал повод, чтобы предлагать мне *такое*? Сколько людей пало в борьбе с этой конторой? А сколько миллионов лучших представителей народа они извели?! А как издеваются над народом сейчас? И ещё рассчитывают, что я могу променять совесть на их жалкие подачки. Комфорт, возможности... Всё это у меня было, и об этой потере я не жалею. Ответил так:

- Я лучше возьму срок в лагере.
- 8 лет — это немало.
- Мне безразличен срок, буду развиваться.
- Все так говорят. Первые три года еще терпимо, а потом...

— У меня будет возможность всё узнать на практике. Наше гуманное государство предоставило мне такую возможность.

Честно говоря, так и не смог понять этих комитетских полковников. Они умеют говорить очень убедительно, когда врут. Но лгать — их профес-

сиональная обязанность, и потому для меня так и осталось неясным, в каких словах был прагматический расчёт, а в каких — действительные суждения. Всё звучит одинаково. Орлов неоднократно заявлял, что его цель — заставить нас сомневаться. Что ж, этой цели он, безусловно, достигал. Я пришёл к выводу, что полковник КГБ — это мастер деликатных поручений: ни добавить, ни отнять. Что касается Орлова, то мне кажется, что он нас жалел. Но не стоит путать это чувство с обычной людской жалостью. Тут нечто другое. Чем-то он был похож на Крамера, того полуманьяка из фильма «Пила». Но не совсем точно. «Пила» всё-таки руководствовался этическими соображениями. Он жаждал гуманистического преображения личности в экстремальных условиях. Тут же о гуманизме речи не идёт вовсе. Наиболее подходящим персонажем для сравнения будет все-таки О'Брайн из «1984» Оруэлла: убеждённый, системный, беспощадный.

... Этап на «Володарку». Свершилось! Прощаюсь с сокамерниками, кешер в руки, шмон, формальные процедуры. Ведут к бусику. Оборачиваюсь, осматриваю это место, насквозь пропитанное страданием, горем, отчаянием. «Американка»... Когда-нибудь здесь будет музей.

«Володарка» — это крупные мрачные своды и длинные коридоры. Но развязные манеры ментов и зэков сразу говорят, что суровая тишина — лишь фасад. Тут муравейник, пронизанный тысячами нитей, он кипит жизнью. Получаю матрас, затем холодный душ, ожидание в отстойнике, наконец, поднимаюсь в «хату». Впечатления абсолютно противоположные тем, которые были, когда впервые передо мной открылась дверь в камеру «американки»... Кажется, что попадаешь в бендёгу³⁸ к гастарбайтерам. На тебя устремляются взгляды с верхних и нижних ярусов нар, из-за стола и даже с пола. 15 мужиков, мокрых от жары и духоты, сидят в одних трусах в крошечном курмаре табачного дыма. Вот теперь я в настоящей тюрьме!

4 июня — день счастья. В камере 10 шконарей, 16 человек: половина — экономические, трое наркоманов, угонщик, мошенник, нардер³⁹, алиментщик, убийца, бандит, политический (Казаков) — короче, Ноев ковчег. Тут движение 24 часа в сутки, тут воздух пропитан какой-то вольностью, а не только сигаретами и потом. Угостили чаем, дали почитать газету с репортажем о суде, сравнивали с фоткой: «похож — не похож». Новый ритм и атмос-

38 Бендёга — небольшое строение или помещение: сарай, будка, подсобка, бытовка, кладовка, каморка и т.д. (жарг.)

39 Народный депутат.

фера свободы оказали необычный эффект: дня три я проходил в ступоре. Так сильно отвыкаешь от крупного социума и так глубоко уходишь в себя за полгода! Мужики это подмечали, выражали сочувствие, интересовались особенностями условий «американки» и тем, как там прессовали. Старался рассказать всё как было, но чувствовал, что ряд вещей не могу передать словами. Как передать изо дня в день усиливающееся чувство ожидания издевательств? Или ощущение постоянного наблюдения за тобой? Здесь в камере были мёртвые точки для глазка, здесь был отгороженный (!) туалет, можно было побыть одному хоть немного. Нужно лишиться даже этого, чтобы понять, что значит лишение автономного пространства для личности.

Меня определили в ночную смену: с 8 утра до 8 вечера шконарь мой, следующие 12 часов — другого человека. Так и протекали дни: днём спал, ночью общался, играл в нарды и шахматы, решал свои дела. Зэковская смекалка позволила мне связаться с Сашей — настоящий подарок! Мы максимально использовали предоставившуюся возможность. В оценках событий обнаружили полное единодушие. Классно, когда есть единство и понимание, несмотря на изоляцию и тяжесть на душе. Ведь на воле далеко не всё так, как хотелось бы: хватило и потерь, и разочарований. Но что делать, как говорили legionеры, *marsh or die*⁴⁰.

Краткое свидание с матерью. Наконец-то мы смогли пообщаться без оглядки на комитетчиков. Узнал в относительных деталях, что происходило в течение этих шести месяцев. Как будто новый мир открылся. Вакуум создал иллюзию тишины,

40 Маршируй или умри (англ.)

а на самом деле снаружи шло активнейшее движение. Плотина рухнула. Хлынул поток писем со словами поддержки и солидарности от самых разных, знакомых и незнакомых, а порой и вовсе неожиданных, людей. В такой ситуации как-то сразу наполняешься жизненной энергией, становишься гораздо сильнее.

... За 10 дней узнал кое-какие основы арестантской жизни. Разные люди, разные пути, разные уклады, но судьба-злодейка свела всех здесь в одной беде. При общении с людьми об их делах, ситуации в тюрьмах и на зонах, тактике поведения обвиняемых и следователей, выработанной тысячами и тысячами случаев, и, как древние знания, передающиеся от зэка к зэку, стала очевидна сущность «правоохранительной» системы. В свою очередь, сама эта карательная система органично вписывается в общее устройство белорусского общества. Следующие утверждения составлены мной даже безо всякого анархизма на основе разговоров в солидарно-доверительной атмосфере, возникающей в тяжёлых и экстремальных условиях тюремного заключения. Это мнения политиков, бизнесменов, учёных, чиновников, представителей силовых ведомств и криминального мира.

... Этап. Даже не знаю куда. Забрали утром и держали до вечера в отстойнике⁴¹ с десятками других бедолаг. Сплошь молодёжь со всей страны, растерянные и тревожные лица. Сначала шмон тюремный, затем шмон конвойный, с резиновыми перчатками и металлодетекторами. В отстойнике сталкиваюсь с политическим, Киркевичем: тоже сидел в «американке», не перестал говорить исключительно на белорусском языке, а в «Володарке» сидел с Колей. Достали кипяtilьник, кружку, пьём чай. Снова килишёвка⁴² в другой отстойник. Воды нет. Наконец, выводят. Выстраиваемся вдоль стены под аркой двора. Называют фамилию, и — с вещами в автозак. Вместе с кешарами набиваемся в «стаканы», как шпроты в банку. Везут на станцию. Место пересадки оцеплено: по одному, через коридор из конвоиров, грузимся в вагоны. Вот он, знаменитый «столыпин»⁴³. Трёхъярусный плацкарт, без окна, отгороженный от коридора решёткой. Ярусы с глухим потолком: чтобы попасть на следующий, нужно пролезать в люк. Китайский экспресс.

Вот и всё, впереди — новая полоса. Что я понял за это время? Настоящее богатство — это люди, которые остаются с тобой, несмотря на все не-

41 Отстойник — (зд.) помещение, где производят обыск осуждённых (жарг.).

42 Перемена места. Обычно, это ситуация, когда камера человек на сорок одновременно переводится в другую камеру или же перемешиваются несколько камер (жарг.)

43 Поезд для перевозки арестантов (жарг.)

взгоды. Уверенным можно быть только в тех, кто делит с тобой лишения, рядом и на расстоянии. Остальное — хрупко.

Прошлое существует в твоих воспоминаниях, будущее — в воображении, но действительно важно лишь настоящее, конкретный миг времени. Прошлое поблекнет, его извратят и оболгут, ожидаемое будущее может так и не наступить, но взгляд назад и устремление вперед наполняют смыслом это самое Здесь и Сейчас.

Сегодня свободы нет. Пока существует государство, мы не можем быть свободны. Но можно прикоснуться к ней, ощутить её дыхание, борясь за неё. Борьба приносит в жизнь все те чувства и мысли, которые подавлены государственной дисциплиной. В борьбе за свободу мы не только приближаем желанный день торжества справедливости, но и спасаем свою собственную личность от серости бытия и деградации. Любой акт освобождения имеет смысл Здесь и Сейчас.

Впереди годы мрака и лишений, но меня это не печалит. Чем хуже — тем лучше, ведь что не убивает, то делает нас сильнее. Обратив выпавшие испытания себе во благо — это единственно верное решение. Предстоит узнать изнутри весь этот мир, рождённый вековым круговоротом миллионов людских судеб в застенках тюрем и лагерей.

... Поезд мчит куда-то на север. Все спят, лишь два бывалых ээка обсуждают лагерную жизнь да конвоир в бронежилете медленно прогуливается по продолу «столыпина». А в голове засел мотивчик песни из тюрьмы «Еду в Магадан», и на душе легко.

Лето 2011 г.⁴⁴

44 Здесь и далее отсутствие подписи означает, что текст написан Игорем Олиневичем.

Dona Heue

Корпорация

Беларусь — это семейная корпорация с ежегодным доходом в несколько десятков миллиардов долларов (для сравнения, ежегодный доход Intel — 15 млрд. долларов, Apple — 45 млрд. долларов). Во главе корпорации стоит совет директоров из министров и руководителей комитетов при Совете министров. Они — не хозяева, а всего лишь топ-менеджеры. Любой из них завтра может оказаться никем. Реальный хозяин только один — Семья. Среднее звено корпоративного менеджмента (уровень исполнителей проектов) составляет около 1000 человек. Это люди, в чьих руках сосредоточена хоть какая-то существенная власть. Нижний уровень — исполнительный персонал, те, кто обеспечивает политику корпорации на местах. Суммарно аппарат корпорации составляет около 90 тысяч функционеров. Это и есть правящий класс страны.

Аппарат призван выполнять две najważнейшие задачи корпорации:

1. Учет, контроль, сбор податей со всей хозяйственной деятельности в стране;
2. Обеспечение корпоративной безопасности и социального подавления.

Наиболее доходные отрасли корпорации — переработка и продажа российской нефти и нефтепродуктов, калийных удобрений, продукция машиностроения и мясо-молочного комплекса, товары химической промышленности.

80% всей собственности принадлежит государству, 20% — частным лицам. Частный бизнес эф-

фактивнее госпредприятий, но Семья всячески сдерживает его рост. Во-первых, госсобственность проще обворовывать. Крупнейшие куски уходят персонально Семье. Во-вторых, интерес аппарата корпорации. Вместе с корпоративными льготами и привилегиями управляющий персонал желает получать свою долю дохода в обмен на лояльность. В ход идут законные и незаконные хищения, откаты, субподряды, кумовство и т.д. Схемы хищений отточены до блеска. Семья вынуждена с этим мириться. В-третьих, приватизация, хоть и сулит мгновенные выгоды, ведет к росту численности буржуазии, т.е. частных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Опасность в том, что буржуазия не желает (по природе своей) делиться с кем бы то ни было, и потому неизбежно желает сбросить с себя ярмо семейной корпорации. Будучи многочисленной, обладая способностями, волей и средствами, буржуазия стремится объединиться с либеральными политическими движениями (оппозицией) и/или частью корпоративного аппарата. Цель — сбросить Семью и установить коллегиальный орган управления аппаратом, т.е. парламент. Ликвидировать частный сектор полностью Семья не может, т.к. коммерция — рабочая лошадка, за счет которой затыкают дыры в экономике.

На самом низу, под корпоративным аппаратом и хозяйственными субъектами, находится народонаселение, называемое беларусами. Оно не обладает абсолютно ничем, т.к. в основном зависит от бюджета и государственных предприятий. Народонаселение — это вечная головная боль корпорации, потому что оно требует обеспечения в виде зарплат, льгот, медицины, транспорта, обра-

зования, досуга. Проблемы начинаются тогда, когда массы проявляют недовольство. По большому счету, само по себе недовольство и волнения населения для корпорации не опасны. Их с легкостью могут подавить силы безопасности. Одно только МВД насчитывает 14,5 сотрудников на 1000 человек населения. Однако, недовольством могут воспользоваться буржуазия и либеральные политические силы. Вот почему Семья всячески душит любые проявления гражданского общества, не дает формироваться устойчивым либеральным силам, скрытно репрессирова активные деятели от буржуазии и оппозиции (к примеру, отчисления и увольнения, проверки бизнеса и т.д.).

Волнения народонаселения — штука перманентная. В своей логике цепочка выглядит так: недовольство — волнения — забастовки — бунт — революция. Больше всего остального корпорация боится даже не либерального влияния на массы, а разочарования масс в любых силах вообще. Если население поймет, что все вокруг создано им же, что без обычных трудящихся начальники превращаются в ничто, если население почувствует свою силу, то в этот момент население трансформируется в народ. Народ — это социум, осознающий себя, свои права и свои интересы. И горе тогда любой власти!

Все политики во все времена с опаской смотрят на «народную карту» в своих играх. Обратная сторона этой карты — социальная революция. И ее невозможно усмирить ничем, кроме жесточайшего террора. С этим столкнулись бонапартисты времен Французской Революции, с этим столкнулись и большевики. Недаром Ленин с Троцким говорили, что народные восстания были для них опаснее всех белых армий, вместе взятых!

А потому корпорация делает все, чтобы население оставалось равнодушным к политике. Именно поэтому второй функцией корпорации является собственная безопасность и социальное подавление.

В корпорации существуют специальные институты, которые на самой современной научной основе отслеживают возможное влияние колебаний экономики на умоностроение масс. Путем эффективного манипулирования цифрами в области социальной политики корпорации удается год за годом обеспечивать относительное равнодушие. Один из таких механизмов — Комитет Государственного Контроля, который получает конкретные инструкции сверху. Но это частности. В целом, система социального подавления навязывает населению:

1. ценности конформизма, когда люди боятся и стесняются думать не так, как все;

2. ценности потребительства, когда личный рост привязывается к уровню используемых материальных благ;

3. ценности национал-патриотизма, когда через гиперболизацию коллективного чувства заставляют любить символы корпорации, чувствовать единение с ней, отождествлять себя с правящим классом, видеть в населении других стран врагов, явных и скрытых.

Социальное подавление включает в себя искусственное поддержание постоянного дефицита (чтобы едва хватало), чувства внешней и внутренней угрозы, чтобы отвлечь людей от понимания действительных проблем и причин, порождающих эти проблемы.

Кроме навязывания разрушительных ценностей, кроме ежедневного оболванивания и лжи

через СМИ, корпорация активно проводит политику алкоголизации и наркоманизации населения. Первое — легально, через монополию на продажу алкоголя и табака. Второе — нелегально, через крышевание лабораторий, каналов поставок и дилерских сетей (да, именно так!). Это и огромнейшие деньги, и выгодный социальный инструмент.

В идеале Семья хотела бы обладать:

1. абсолютно лояльным и безотказным корпоративным аппаратом;
2. безропотной буржуазией, всегда готовой быть остриженной;
3. формальной нежизнеспособной оппозицией в качестве вывески «цивилизованному» миру;
4. послушным быдлом вместо народа, находящимся в состоянии полной деградации.

Люди для корпорации — расходный материал. Всегда найдется нужное количество беспринципных карьеристов, готовых по костям лезть вверх и пополнить правящий класс, получив для этого необходимое образование и отказавшись от совести. Остальные пусть деградируют, эмигрируют...

И все же, несмотря на хитрости социального манипулирования, культурного обезличивания, привязки к госсектору, ключевым инструментом подавления населения является карательная система, т.е. оперативная разработка, следствие, прокуратура, суды, «исправительные» учреждения. Выше была подробно разобрана судебно-следственная механика. Логика ее работы требует все новых и новых дел, что обеспечивает собственное непрерывное функционирование. Пенитенциарная⁴⁵ система выдает 45% (как минимум!) рециди-

⁴⁵ Уголовно-исполнительная система, государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

ва. Очевидно, что система воспроизводит преступность ради обеспечения своего существования. Наши судьбы — это топливо карательных органов. Конечно, приведенные утверждения объясняют лишь принципы функционирования и самоподдержания этого механизма. Но в чем заключается подавление, какой социальный эффект достигается? Казалось бы, органам выгодно иметь «быстрый круговорот»: от гражданина к статусу зэка, и снова, и снова, т.е. было бы выгодно сажать рецидивистов на незначительные сроки, чтобы они поскорее освобождались, совершали новое преступление (или им пришивали чье-то), возбуждалось дело и дальше по накатанной. И действительно, профессиональные преступники или те, кто принял преступный образ жизни (мастерством не владеют), и дебилы-дураки ограничиваются относительно мягким наказанием. Но при этом огромное число первоходов, чье преступление не связано с криминалом как таковым, получают огромные сроки, что в рамках самой карательной системы невозможно понять. Зачем? Ответ становится ясен, если сложить картину социальной политики корпорации с картиной психологических типов т.н. «тяжелых» преступников (от 3–6 лет и выше, вплоть до 20–25 лет лишения свободы). В массе своей — и это бросается в глаза любому — это люди более активные, более инициативные, более умные, более оригинальные и, самое важное, более принципиальные, чем обычный средний обыватель страны. «Мелочь» получают либо мастера-профи (их очень мало, они редко попадают), либо (абсолютное большинство этой категории) душевные калеки, спившиеся, опустившиеся, либо простые, но недалекие люди, попавшие по глупости, недоразумению

или беспределу. Другими словами, «тяжкие» — это люди, в основном способные на поступок, на риск, знающие себе цену и готовые бороться за лучшую долю и уважение, хотя бы для самих себя. Это пассионарная часть общества, которая бы заняла в этом самом обществе видное место.

Избирательно душить сознательных граждан, потенциальную буржуазию, социальных активистов, политических деятелей, рабочих лидеров — хлопотный и ненадежный процесс. Гораздо эффективнее для задач социального подавления душить активные силы общества в целом, массово. Это и достигается через микроизъятие (осуждение человека на долгий срок под благовидным предлогом) активных, в широком смысле слова, индивидов. Это и коррупция, и экономические хищения, и пресловутые ОПГ, и убийства. Все эти люди потенциально опасны для самой корпорации, потому что обладают более сильными интеллектуальными и волевыми качествами. Благодаря изоляции в лагере на долгое время, человек выпадает из жизни и уже вряд ли сможет достичь того, чего мог: кто-то сломается, кто-то уедет, кто-то подорвет здоровье. Есть такой термин — «подавление интеллигенции» — для обозначения геноцида народа. Я это и имею в виду, только понимаю несколько шире: подавление активных сил общества вообще.

Теперь о массовости такой методики. За 20 лет в стране пересидело в тюрьмах и лагерях не менее... полумиллиона мужчин! Всего через пенитенциарную систему, учитывая «химиков» (ссылных), колонии-поселения и пр., прошло не менее 1.2 млн. человек, в подавляющем большинстве мужчин, т.е. 60–70 тыс. осужденных ежегодно. Это при общем количестве трудоспособных мужчин 2–2.5 млн.

в стране! Т.е. каждый второй мужик столкнулся с системой, а каждый пятый (20%) подвергся тюремно-зоновской обработке. Нацисты считали, что при ликвидации 15% населения репродуктивного возраста народ деградирует. Троцкий, при подавлении казацких мятежей на Дону, предлагал уничтожить такой же процент взрослого мужского населения. Как иначе можно трактовать такое «совпадение»? Или корпорация не понимает, что творит? Все они прекрасно понимают, потому что ради удержания власти готовы на все!

Говорят, беларусы «такие-сякие», ничего нормального нет, все через одно место. А как по-другому, если сажают и сажают пачками? Мы можем видеть, к чему за 20 лет привели эти микроизъятия: развитие общества застопорилось, убогая культура, ослабление нравственности, размывание порядочности, массовое равнодушие, отсутствие сопротивления властям. Вот он — духовный геноцид. Но стоит лишь ненадолго ослабить хватку, и вы увидите, как дух возрождается.

За время существования корпорации карательная система проделала определенную эволюцию. На данный момент она полностью восстановила навыки и опыт ВЧК-ОГПУ-НКВД до уровня начала 30-х годов, т.е. кануна тотальных расстрелов и наиболее громких дел сталинских репрессий. Удивительная схожесть многих этапов развития репрессивных органов тех лет и в наше время не оставляет сомнений, что в основу политики Семья кладет опыт и методики Сталина. Впрочем, восхищение этим деятелем (как и Гитлером) никогда и не скрывалось.

Сталин начал с того, что разгромил своих прямых противников, в первую очередь, Троцкого

и его окружение. Несколько позже прошла коллективизация и раскулачивание. Т.н. «кулаков» обрекали на смерть в сибирских спецпоселениях, а их хлеб продавался за границу за валюту. В то же время проводилась травля политических оппонентов, бывших троцкистов, фракционистов, уклонистов и т.п. Однако, на тот момент все заканчивалось относительно мягко: ссылка на 3 года была крайней мерой, что не идет ни в какое сравнение с фактическим истреблением трудового крестьянства параллельным курсом. Ближе к середине 30-х стали активно фигурировать «вредители», с ходом индустриализации все больше людей стали осуждать за «порчу социалистической собственности». Затем «вредители» плавно перетекали в «саботажников», маховик стал раскручиваться. Отличительной чертой саботажа были коллективные дела технических специалистов. Оставался лишь шаг, чтобы «саботажников», «диверсантов», «террористов» кто-то «возглавил» политически. Убийство Кирова⁴⁶ стало таким громким, неслыханным шагом. Начались те репрессии, которые известны под именем «37-й год»: процессы Промпартии⁴⁷, Зиновьева-Каменева, Пятакова-Радека, чистка самих карательных органов (Ягода, Ежов), затем военных (Тухачевский и др.). Наиболее употребительные ярлыки, вешаемые на обвиняемых, — «агенты

46 Через несколько часов после убийства секретаря ЦК ВКП (б) С. Кирова 1 декабря 1934 г. было подписано постановление: «Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком. Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров...» Затем последовали массовые репрессии — «ежовщины».

47 Дело Промпартии — крупный судебный процесс в СССР по делу о вредительстве в промышленности, состоявшийся 25 ноября — 7 декабря 1930 г.

мирового империализма», «враги народа», «5-я колонна» и др.

Семья начала с ликвидации прямых и действительно опасных противников (Захаренко, Гончар, Красовский)⁴⁸ и разгрома парламента. Чуть позже был разбит мир организованной преступности. Смотрящий за Беларусь — вор в законе Щавлик — убит, остальные получили ультиматум в течение 24 часов покинуть территорию страны. До этого момента было проведена очень масштабная операция по ОПГ, «светлогорское дело». Что примечательно, численность задействованных лиц для действительно широкой криминальной структуры оказалась достаточно небольшой — 15 человек. Максимальный срок составил 15 лет.

Первое десятилетие 21 века отмечалось разгоном и травлей оппозиции, постепенным сужением свободы слова и печати, отчислениями участников демонстраций из университетов. Предпринимателям обещали «пожать руку в 2010 году» и обдирали как липку. В 2006 появились крупные политзаключенные, а угроза «химии» стала совсем реальной. Впервые были осуждены люди за действия от имени незарегистрированной организации. Пока что разовые случаи. В это же время карательные органы всю отработывали криминал. Правда, непонятно, откуда он взялся на таком уровне после разгромных 90-х. Это время можно смело назвать «эрой ОПГ». Надо пояснить, что ОПГ — это мафия, т.е. структура, состоящая из разных подразделений со своей специализацией, от силовых групп

48 Ю. Захаренко, В. Гончар и А. Красовский состояли в команде А. Лукашенко во время выборов 1994 г. В последствии каждый из них перешёл в открытую оппозицию к президенту РБ. В мае 1999 г.в Минске бесследно исчезает Ю. Захаренко. В сентябре — В. Гончар и А. Красовский.

до юристов и чиновников. КГБ и УБОП решили не заморачиваться и начали штамповать ОПГ десятками, наголову перепрыгнув даже российских силовиков. Количество дел зашкаливало. По одной только Гомельской области «раскрыто» не менее полутора десятков ОПГ за 10 лет! Хойницкие, умановские, дело «кидал», речицкие, морозовские, пожарники... Если первые ОПГ состояли из «скромных» 5–15 человек, то к 2006 г. на скамье подсудимых уже сидело по 70 (пожарники) и 130 (морозовские) человек! Откуда?! Сроки фантастические — 10–25 лет! В полном соответствии с технологией сталинских процессов за основу берутся несколько человек, далее наращивают их контактных лиц, эпизодических или вовсе случайных, таким образом, дело приобретает видимость объемности и серьезности, становится возможным применить гораздо более тяжелые статьи. Могут объединить несвязанные друг с другом, а порой и враждующие преступные группы в одну организацию объявить их ОПГ. Любые люди из круга контакта target group⁴⁹ могут попасть под следствие. Практикуется последовательное возбуждение дел — якобы несвязанных — чтобы подавить и получить показания. Например, дело МТЗ, в котором, чтобы «ушатать» главного технолога, возбудили еще 2 дела на совершенно иных людей, которые в силу своих профессиональных занятий могли потенциально дать то, что требуется.

Такой подход работает и в обратную сторону: реальную ОПГ сознательно дробят на несвязанные преступные группы и отдельные эпизоды. К примеру, дело таможенников, разрабатываемое следственной группой Байковой. Прокуроршу за-

49 Целевая группа (англ.)

крыли, а дело разбилось на множество самостоятельных. Проходящие по делу силовики наверняка отделаются очень легко. И все ради того, чтобы прикрыть корни, уходящие на самый верх. Особое внимание стоит обратить на то, что огромное количество следователей и оперов, занятых ОПГ, впоследствии сами садятся на скамью подсудимых. Еще большее количество следователей увольняются и отстраняются от дела, чтобы избежать шумихи.

Это говорит об огромной вовлеченности силовиков в криминал. Наркоторговля, доходы с проституции, рекет (!), оружие, драгоценности — везде менты и чекисты. Воров разогнали, а братву уничтожили, чтобы убрать конкурентов.

Результат 2010–2011 гг. закономерен: массовые политические процессы и громкие коррупционные дела. Экс-кандидаты в президенты, зам. министров, генералы — все равно, карательная система уже раскачалась. Это стало возможным не сразу, а в течение долгих лет, когда дело за делом отработывалась одна методика — построение обвинения на признаниях и свидетельских показаниях. Рано или поздно мы должны были прийти к текущему состоянию: бесправию и ментовскому беспределу.

Сегодня в зонах и тюрьмах томятся около 47 000 человек, в 37-м было 45 000. Десятки тысяч находятся в колониях-поселениях («леса») и исправительных учреждениях открытого типа («химия»). Условия там во многом хуже, чем на лагерях. Пора назвать вещи своими именами — мы живем под оккупационным режимом, ведущим борьбу с народом ради собственного обогащения и всевластия.

На международной арене Семья связывает себя с российским режимом. Россия во главе с чеки-

стом Путиным строится на концепции «petroleum state», т.е. топливного государства. Ставка делается на экспорт углеводородов, развиваются лишь соответствующие отрасли и узкий сегмент инфраструктуры. Несколько крупных финансовых центров обслуживают нужды элит и квалифицированных кадров, в них обеспечены высокий уровень жизни, досуг, развлечения, торговля. Остальная Россия российскому режиму не нужна. Интерес Семьи заключается в получении доли с транзита углеводородов на Запад, а также самостоятельная переработка и перепродажа. Российская элита кровно заинтересована в стабильности стратегического транзита и поэтому наиболее приемлет точно такую же власть в Беларуси, какой и сама является — власть временщиков.

Такое положение дел может сохраняться вплоть до исчерпания экспортного потенциала. К 2023 году ожидается израсходование около 80% мировых запасов нефти. Разумеется, рентабельность упадет еще раньше. В Европе это понимают и активно развивают альтернативную энергетику, основанную на использовании возобновляемых источников энергии. В частности, такой индустриальный гигант как Германия уже сейчас лишь одной энергией ветра покрывает 20% (!) потребляемой электроэнергии. На смену бензиновым и дизельным двигателям приходят водородные. Развитие такой тенденции означает закат власти временщиков, они уйдут вместе с нагребленным капиталом. А Россию потрясут социально-политические изменения, что, вероятно, приведет к частичному территориальному развалу. Поэтому российская элита сближается с ЕС.

Вопреки распространенному мнению, Беларусь не находится на стыке влияния «Россия-Запад»,

Беларусь относится к российской зоне, так было на протяжении всей новейшей истории. Есть одна простая причина: Беларусь экономически выполняет роль первичной, наиболее экологически грязной, переработки сырья — нефтепродукты, газ, пластмассы, пищевые добавки, доломит в руде, калийные удобрения, целлюлозно-бумажная отрасль, цемент и т.д. В общем, Европа сколько угодно может принимать резолюции и делать декоративные маневры в сторону демократии, но фактически такое положение вещей ее вполне устраивает. «Торговать можно и с каннибалами» — вот суть европейской политики. Но Европа старается «цивилизовать» Россию, приобщить к своим процессам как партнера, в этом ключе затрагивается и Беларусь. Для убедительности могу добавить следующее: у ЕС есть как минимум два мощнейших механизма влияния на Беларусь. Это визовый режим и санкции на белорусский экспорт. Если Европа так хочет демократизации у нас, почему она не использует эти рычаги, замечу, решающие рычаги? Вот они, национальные интересы во всей красе!

Таким образом, нам неоткуда ждать помощи, никто нас не спасет, кроме нас самих. Необходимо осознать, что справедливое общественно-политическое устройство возможно только путем самоопределения народа. Иначе — рабство, тирания, бедность, деградация. Власть может бесконечно терроризировать народ всем своим ассортиментом репрессивных средств и технологий. Но у нее есть слабое место — люди. Семья и вся корпорация — все-таки люди, им свойственны те же слабости и пороки, что и простым смертным. Это страх, паника, отчаяние, иррационализм, самоубеждение. Пулеметы и танки бессильны, когда нет воли,

когда телом и разумом овладевает страх за свое будущее. Осознание собственной правоты и готовность сражаться без компромиссов обезоруживает противника, привыкшего к доминированию и безнаказанности. В Американке я был свидетелем одной картины, которую запомню на всю жизнь. В последних числах декабря 2010 г., после старта политики прессования, на одном из обходов к нам в камеру зашел дежурный. «Маски» выстроились на проходе напротив двери и всем видом демонстрировали ненависть и презрение к нам. В этот момент Анатолий Лебедько стал вглядываться вдаль, как бы сквозь них, казалось, будто он и сквозь маски рассматривает их лица. Дежурный замер на полуслове, а маски заерзали и... расступились в стороны. Когда дежурный вышел, они закрыли дверь, и никто не поднял взгляда. Они были всесильны, могли делать, что хотели (и делали), но все равно испугались. Чем выше начальник, тем тяжелее обстоятельства давят на него. Так что не все так плохо, как кажется. Режимы рушатся в одночасье, история тому свидетель. Воля более материальна, чем экономические неурядицы. Мы видим, как ливийцы берут в руки оружие, хотя пособие по безработице составляет 750\$. Мы видим, как сирийцы ежедневно выходят под пули, лишь бы убрать ненавистного тирана. Воля побеждает, когда человек руководствуется не сиюминутными интересами, но высокими идеалами, ценностями свободы и справедливости, достоинства и доброты. Все может быть по-другому, нет никакого линейного исторического пути, все можно изменить!

Зима 2011 г.

Самоопределение

Что значит самоопределение? Самоопределение означает такую систему, в которой обычные люди могут без промедлений и искажений принимать решения о том, как им жить. Это означает систему гражданского самоуправления на основе прямой демократии. Самоуправление дает возможность жителям каждой местности — деревни, района, города — определять наилучшее для себя устройство, исходя из местных особенностей и обстоятельств. Прямая демократия — это участие самих граждан в обсуждении вопросов и проблем. Анархизм предполагает такую модель управления, в которой ставка делается на обширные горизонтальные связи, а вертикальные, наоборот, минимизируются. Истинное народовластие устанавливается тогда, когда инициатива и воля исходят от самих граждан на местах. Ориентировочная схема выглядит так: жители каждого дома на регулярных собраниях обсуждают вопросы жилищно-коммунального хозяйства, обустройства прилегающих территорий, экологическую обстановку, вопросы правопорядка и т.д. Избираемый Домовой Комитет следит за выполнением решений жилищных собраний и занимается текущими делами. Комитет подотчетен исключительно собранию: в любой момент жильцы могут поменять состав Комитета. Таким образом, вся власть в пределах дома сосре-

доточена в руках самих граждан, его населяющих. Никто не сможет навязать жителям несправедливых и вредных решений.

Домовые Комитеты делегируют своих членов в Комитет Улицы, Комитет Улицы — в Квартальную (районную) Ассамблею. Кварталы формируют Городской Совет. Далее, городские советы и советы сельских районов составляют область/регион, которые, в итоге, образуют Совет Федерации. Что нам дает такая структура и такие принципы? А то, что *любое* должностное лицо немедленно может быть отозвано по решению нижней инстанции. Больше не сможет возникнуть такой ситуации, когда чиновник отвечает перед вышестоящими начальниками, пользуется покровительством высоких лиц и творит любой беспредел. Конечно, ведь он подотчетен не гражданам, а лишь своей вертикали! Понятное дело, что в коридорах современной власти сплетаются бюрократические клубки, с которых нет спроса и на которых не найти управы. Круговая порука, покровительство, безнаказанность делают их неприступными. Система делегирования и подотчетности ставит крест на бюрократии как таковой. Очевидно, что при таком устройстве на должности будут выдвигаться наиболее знающие и дельные люди, а не подхалимы.

Другой формой самоорганизации граждан являются объединения и инициативы по любым социальным сферам общества: экологические, правозащитные, пенсионерские, молодежные, культурные, краеведческие, спортивные и т.д. Для решения своих вопросов и задач гражданские объединения вольны связываться с инстанциями самоуправления любого уровня, если им необходимо содействие местного сообщества.

На современном этапе технологического развития — информационное общество — большой потенциал для самоорганизации и самоуправления представляют ИТ-коммуникации. Они позволяют компенсировать задержки в обсуждении и принятии решений, вызванные огромными размерами городов, большими расстояниями и высокой численностью населения. Более того, новые технологии позволяют значительно ускорить коммуникационные процессы. Социальные сети, IP-телефония, мобильный интернет позволяют достичь небывалой оперативности. Большая часть населения уже активно пользуется интернет-технологиями, получая необходимые знания, навыки и культуру виртуального общения. В ближайшие пару-тройку лет интернет станет всеохватывающим, по мере распространения сетей третьего и четвертого поколения. Политика должна быть и станет достоянием каждого гражданина.

Наряду с самоуправлением, анархизм выдвигает требование социализации экономики. Это означает, что каждый трудящийся имеет право на долю в прибылях предприятия. Нам неприемлемо такое состояние общества, когда меньшинство живет в роскоши, а большинство каждый месяц сводит концы с концами. 80% собственности в стране принадлежит государству, это хозяйство было создано во времена советской диктатуры за счет тяжелого и подчас подневольного труда народа. Это имущество должно находиться под управлением трудового коллектива, где каждый является акционером без права продажи своей доли. Если каждый трудящийся станет совладельцем своего предприятия, то его труд получит дополнительные мотивы, и будет направлен на процветание предприятия,

а не получения выгоды любой ценой, как это массово происходит сегодня. Предприятия должны принадлежать трудовым синдикатам: это обеспечит благосостояние и социальную справедливость.

Дополнительной формой самоорганизации трудящихся являются профессиональные ассоциации. В их задачу входит мониторинг соблюдения равных прав на предприятиях, повышение квалификации своих членов за счет связи с учебными центрами, предоставление услуг работников тех специальностей, которые не предусматривают постоянного объекта деятельности (строители, уборщики, курьеры и т.п.).

Вместо судов, встроенных в систему вертикали власти, анархизм предлагает использовать третейские суды⁵⁰. Профессиональный судья — это, прежде всего чиновник государства, в той или иной степени он зависим. Мы считаем, что в судьи должны попадать наиболее уважаемые граждане из числа добровольцев. Только так можно обеспечить по-настоящему независимую оценку. Более того, ни одно преступление не может быть истолковано на основании уголовных кодексов. Каждый случай — уникален, и потому мы выступаем за индивидуальный подход к каждому делу, в т.ч. при определении наказаний. Также анархисты — принципиальные противники лишения свободы как меры наказания. Бетонные застенки ведут лишь к деформации личности — либо в сторону утраты воли, либо в сторону озлобления. Мерами наказания могут быть общественное порицание, штраф, общественные работы, временное изолирование либо изгнание в суровую труднодоступную мест-

⁵⁰ Суд, избираемый самими сторонами для разрешения спора между ними.

ность. В особо тяжких случаях мы признаем право потерпевшего или его близких на месть. Ставка делается на то, что в обществе экономической справедливости преступность упадет во много раз, т.к. корыстные мотивы преступлений станут малоактуальными.

Напоследок, хотелось бы сказать пару слов о парламентской республике. Проблема такого устройства в том, что оно не отвечает заявленным принципам. Так же, как большевики были далеки от коммунизма, так и республиканцы далеки от демократии. У большевиков «диктатура пролетариата» стала тиранией номенклатуры партии. А в республике «власть демоса» в реальности означает коллегиальное правление буржуазии. И так было изначально. Сегодня часто можно услышать, что прототипами республики были древнегреческие полисы, «Афины — колыбель демократии». Однако, устройство тех же Афин было гораздо созвучнее анархическим принципам, нежели парламентаристским. История республики (классическая Французская революция) показывает, что ее основной целью была ликвидация власти аристократии (во главе с королем) и духовенства в пользу третьего сословия, т.е. буржуазии. Избирательные права были предоставлены тем, кто проходил имущественный ценз. Буржуазия, выдвигая лозунг «свобода и равенство», желала ровно столько свободы, сколько нужно, чтобы обеспечивать в представительных органах свои интересы, и ровно столько равенства, чтобы выровняться в правах с дворянством. Конечно, от этих веяний и народу перепало кое-что, например, свобода слова, собраний, ассоциаций, но лишь в ограниченной мере, не ставящей под угрозу саму власть буржуазии.

В случае опасности республика может быть столь же безжалостной и жестокой к своим оппонентам, как короли и диктаторы. Со времен первых либеральных режимов 200-летней давности произошла кое-какая трансформация: избирательное право стало всеобщим. Но почему? Потому что по всему миру наблюдался рост и решимость социалистического движения. Чтобы выбить почву из-под ног социалистов и ликвидировать угрозу, буржуазия пошла на сделку с социал-демократией. Оппортунисты получили доступ к власти в обмен на отказ от революции и классовой борьбы. Социал-демократическая интеллигенция приглашение приняла и с помощью подконтрольных ей профсоюзов подавила радикальные настроения среди рабочих и по сей день занимается тем же. Естественно, фасад республики стал «народным», демократия стала самым употребляемым термином. Но только всеобщее избирательное право ничего не изменило: буржуазия быстро поняла, что силу различных партий определяют вложенные в нее деньги, а не программа и лозунги. Честный человек заведомо проигрывает в выборной гонке нечестному, но состоятельному конкуренту. Решают ресурсы избирательного штаба, уровень политтехнологов, политика популизма, но не идеи. Именно поэтому так много людей в цитадели демократии — ЕС — не ходят на выборы, не интересуются системной политикой. Это называется отчуждением, чувством безразличия и бессмысленности формального спектакля.

Конечно, культура и менталитет очень многих людей сегодня не способствует участию в самоуправлении. Но это состояние — результат данного общественного устройства. Чтобы измениться, лю-

ди должны заниматься и решением вопросов, касающихся их жизни. Рано или поздно приходится вступить в воду, если хочешь научиться плавать. Диктатура обращается с народом, как с ребенком, республика — как с подростком, анархия — как со взрослым человеком. Самоуправление, социализация, самоорганизация — вот принципы прогрессивного общественного устройства. Торжество гуманизма, когда свобода, мир и счастье станут доступны каждому, — вот к чему стремится анархизм.

Весна 2012 г.

Политические

Впервые в постсоветской истории нашей страны сразу десятки людей были арестованы и приговорены к суровым наказаниям (от условных до вполне реальных) в связи с актуальными общественными процессами.

Кого считать политическим, а кого нет? Очень часто в современном либеральном мире принято считать политическими заключенными людей, которые были осуждены за исключительно мирную общественную деятельность. Соответственно, политическое дело — это уголовное преследование, в котором приговор основан не на законе, а на неформальном решении сверху.

Но, чтобы действительно разобраться в сущности явления, нужно подойти к нему исторически. Первое, что приходит на ум — Великая Французская Революция. И роялисты, и жирондисты, и якобинцы, и «бешеные» постоянно свержали друг друга прямым насилием. Все стороны с мушкетами и пиками лезли на рожон и пачками отправляли своих оппонентов на гильотину. Уличные бои, штурм Бастилии, захват Королевского дворца, казнь короля, Дантон, Робеспьер, Марат — без этих событий и имен невозможно представить себе эту революцию, ставшей классикой для многих последующих восстаний.

Кем считать Луизу Мишель, сосланную на остров за активное участие в Парижской Коммуне? На баррикадах Монмартра она вовсе не пла-

каты расклеивала, а сражалась с винтовкой в руках. Но неужели коммунаров следует признать кучкой хулиганов, устроивших беспорядки во французской столице? Эти люди за свои убеждения заплатили страшную цену в 35 000 человек, казненных Тьером.

Эмма Гольдман. Ее значение для мирового женского движения трудно отрицать. Но Эмма успела поучаствовать в политическом терроре, когда вместе со своим другом она совершила покушение на владельца фабрики, устроившего локаут⁵¹ базирующим рабочим.

Во времена царизма поляками, литовцами, беларусами, украинцами устраивались многочисленные восстания посредством своих тайных обществ, за что бесчисленное множество их сгинуло на эшафотах. Один из них — наш земляк Кастусь Калиновский. Неужели он какой-нибудь коррупционер, а не мученик своего народа?

Может, из ревности к крестьянству народовольцы взорвали царя Александра II, а не потому, что своей реформой тот ограбил миллионы крестьян и обрек их на пожизненную нищету хуже крепостничества?

Чем считать выстрел Фанни Каплан в Ленина с последующей смертью самой отчаянной женщины революции? Попытка убийства «по бытовухе»? Или актом возмездия кровавому палачу?

Германская республика после первой мировой войны была построена на штыках фрайкора, военных формирований демократов, разогнавших Со-

51 Временная остановка работы (или существенное сокращение объемов производства) предприятия работодателем с прекращением выплаты зарплаты с целью оказания давления на работников.

веты красных. Это событие предопределило дальнейшие события в Европе.

Кстати, те же декабристы... Попытка военного переворота! Но кто скажет, что эта искра не была самым ярким политическим событием тех лет? Кто осмелится приравнять этих одухотворенных высокими идеалами молодых борцов, сгинувших в Сибири, к каким-нибудь алчным воякам-путчистам из «банановых» республик?

Многომиллионные узники ГУЛАГа, политических — половина. По знаменитой 58⁵² статье прошли как случайные люди, обронившие дерзкое слово, так и различные подпольщики, действовавшие против режима Сталина с оружием в руках. Из докладных записок НКВД нам известно, что «... многие контрреволюционные банды действуют под видом уголовных...». Известно также о тысячах крестьян из зажиточных, кто стал жертвой коллективизации, но не замолчал, а с обрезом подкараулировал комиссаров и советских работников. Кто осудит этих людей?

Да и сами чекисты четко определяли, кого отправлять к уголовным, а кого к политическим. Сама же власть во все времена определяла политических не методами, не статьей уголовного кодекса, а мотивами и целями!

Именно так было заведено самим историческим ходом вещей. И никто не вправе менять определение, выведенное страданиями и кровью страниц мировой истории.

Теперь я хотел бы сказать насчет судебной предвзятости в отношении нашего «дела анархистов».

52 Статья для противодействия контрреволюционной деятельности (включала в себя пункт «Измена Родине»). Осуждённые по этой статье назывались «политическими».

На расследование так называемых «хулиганских действий» (ст. 339 ч. 2, менее тяжкое преступление) были задействованы УБОП (!) и КГБ (!). Численность оперативной группы — 30 (!) человек. Неограниченные лимиты на расходы (экспертизы, командировки и т.п.). Только по Минску были отработаны сотни людей. Одних подозреваемых оказалось 120 человек. Задержания проводились по информации о принадлежности к анархистскому движению без каких-либо иных оснований. Для заключения задержанных под стражей следствие пошло на беспрецедентный шаг: многократно продлевало срок задержания по все новым эпизодам, в т.ч. по заведомо ложным подозрениям. Лично на меня и на моего друга Дмитрия Дубовского устроили настоящую охоту в Москве еще за месяц до появления первых обвинений против нас. Причем была неформально привлечена иностранная спецслужба, само задержание проводило ФСБ (!).

Еще на этапе предварительного следствия в целях идеологической дискредитации был снят насквозь лживый пропагандистский фильм и показан по белорусскому телевидению. Авторы этого фильма не постыдились использовать любительские театральные съемки, которые выдали за некие подпольные собрания. В тюрьмах мы подвергались различному изощренному давлению, в том числе угрозам расправы, необоснованным этапам, блокировке писем, газет, встреч с адвокатом.

В результате мы получаем обвинительные приговоры, основанные исключительно на показаниях заинтересованных лиц, которые, несмотря на собственное активное участие в радикальных акциях, либо выходят из клетки в зале суда (Веткин, Сили-

вончик), либо вообще проходят по делу как свидетели (Конофальский, Акдиф).

При этом игнорируются заявления сразу нескольких свидетелей (не менее пяти) о (психологическом) давлении со стороны следствия, неявки в суд некоторых ключевых свидетелей, всплывший в суде факт двойного (!) оговора Дубовского Дмитрия со стороны Веткина и Конофальского. К хулиганским действиям была приравнена антивоенная манифестация у здания Генерального штаба (сентябрь 2009), пацифистские лозунги которой были квалифицированы как состав преступления.

В отношении бобруйского дела (поджог здания КГБ) возникает вопрос: каким образом фигурантам дела вменили ч. 3 ст. 218 (умышленное повреждение имущества на сумму более 1 млрд. бел. руб), если повреждение бетонной стены от попадания «коктейля Молотова» были оценены всего в 250 тыс. бел. руб.? Очевидно, что это умышленное действие следствие ради увеличения сроков лишения свободы (от 7 до 12 лет по ч. 3 вместо 3–10 по ч. 2).

И, напоследок, сроки. За хулиганство среднего уровня (по Уголовному Кодексу РБ) максимальные приговоры составили 7–8 лет лишения свободы. Для сравнения, такие сроки получают за серьезный разбой, наркоторговлю, убийство и даже растление малолетних.

За изнасилование и тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть, распространены сроки 5–6 лет. Знаю случай, когда за поджог машины, в которой случайно оказались два человека (сгорели заживо) обвиняемые получили 7 (!!!) лет.

Выходит, что (ржавый) автомобиль, подкопченная стенка здания более значимы, чем женская честь и человеческая жизнь?

Даже пять процентов от сказанного однозначно говорит о том, что все дело обусловлено нашей политической борьбой.

Мы — анархисты — отрицаем сам принцип государственного устройства общества, так как даже самое ограниченное, самое либеральное государство — это лишь компромисс между свободой и авторитаризмом, между народовластием и диктатурой. И потому мы не питаем иллюзий ни в отношении следствия и суда, ни в отношении реальных методов тирании против народа и личности. Решающей силой государства является не Закон, а действительная воля правящих верхов и их исполнителей — управленцев. И каждый честный человек ежедневно сталкивается с проявлениями этого «закона».

Нас не удивляют приговоры, но удивляет, почему столь очевидная ситуация не столь очевидна правозащитникам. Я бы еще мог понять колебания в условиях информационного вакуума. Но с самого начала вокруг нас действует целое движение солидарности с развитой информационной поддержкой. Внимание общественности, в том числе правозащитников, было привлечено сразу же.

Может быть, дело в устоявшихся шаблонах действий и оценке антиавторитарных движений, привычных на Западе. Пикеты, демонстрации. Ну давайте взглянем на текущие события в Сирии. Каждый день на протяжении многих месяцев народ выходит на улицы, а войска его разгоняют и расстреливают. По шаблону предполагается, что такими действиями власти Сирии разрушают собственную легитимность. Запад реагирует все жестче и в конце концов либо власть уходит сама, либо ей «помогают» по ливийскому сценарию.

Получается, вопрос оправданности применения силы со стороны протестующих масс решается посторонними структурами, правительствами ведущих стран, в первую очередь, США и ЕС. Однако, пока политики принимают свои резолюции, людей убивают и бросают в тюрьмы, грабят и унижают. Но тех, кто взял в руки камень или винтовку, кто начал бороться с умом, а не просто подставляясь под дубинки и пули, почему-то определяют как уголовников и провокаторов. Когда же на высоком уровне принимают такие необходимые резолюции, и дают добро, вчерашние «уголовники и провокаторы» признаются героями и мучениками в борьбе за демократию. Такие вот двойные стандарты.

Мы не собираемся ждать никаких санкционирований со стороны, мы не собираемся покорно ждать, пока что-то изменится само собой, мы не собираемся прожить всю жизнь под комендантский час. Мы хотим жить свободно и достойно уже сейчас, в эту самую минуту, и потому сами будем решать, когда и как бороться. Единственный истинный источник права в Беларуси — это белорусский народ, все трудящиеся люди, живущие на этой земле. И самое первое естественное право гласит — народ имеет право на восстание.

Еще ни одна свинья не отошла от корыта посредством уговоров. Только ударом по ее свиному рылу можно объяснить, кто тут хозяин. Ведь других органов в голове у нее не осталось: мозги либо эмигрировали, либо сидят по тюрьмам да по зонам.

Очень печально осознавать, что в нашей стране, прошедшей через гигантские репрессии царизма и большевизма, так сложно получить статус политического без особого лобби со стороны оппозиции. Дело вовсе не в нас. Нам-то как раз печалиться

нет причины: мы получили огромную поддержку и признание от огромного числа людей, от родных и близких до вовсе незнакомых людей, здесь и за рубежом. И это внимание со стороны простых людей — единственное, которое по-настоящему ценно для нас.

Но что делать всем тем, за кем нет широкой общественной поддержки, чье дело не на слуху? Проблема не в нескольких десятках людей с площади, проблема в тысячах заключенных, осужденных по беспределу карательных органов за то, что поступали по-человечески, принципиально, проявили гражданскую сознательность, отказались выполнять преступные распоряжения, не поддаваясь на шантаж и вымогательство..

Заключенные нашей страны — это в подавляющем большинстве самые обычные люди, точно такие же, какие ежедневно окружают вас на улице. И на этом месте может оказаться каждый. Страшно, когда на столе нет куска хлеба. Но еще страшнее, когда родитель наблюдает взросление ребенка только по фотографиям. Освобождение пары-тройки десятков политических не говорит о том, что все стало на свои места. В море несправедливости белорусской действительности станет каплей меньше и только. Система прогнила, народ замучен, менять нужно все. Но уже сейчас критически важно признать политическими заключенными всех, кого само государство своим судебным беспределом де-факто признало таковыми, кто бросил вызов властям в борьбе за правду и справедливость.

Зима 2011 г.

Открытое письмо анархистским кругам

Приветствую, товарищи!

В первую очередь, хочу сказать большое спасибо всем тем, кто поддержал нас в трудный час. И отдельно хочу поблагодарить людей, оказавших помощь до ареста. Ваша солидарность очень помогла выдержать все выпавшие трудности. Цель этого письма — высказаться обо всём, что было и есть.

Репрессии.

Самое главное, что хочу сказать: полемика между легалистами и иллегалистами⁵⁵ потеряла актуальность. Вся ситуация убедительно свидетельствует о том, что рассчитывать на закон, на либеральные поправки ни в коем случае нельзя. Карательные органы руководствуются некими собственными внутренними усмотрениями, кто виноват и как нужно поступать. В угоду этим усмотрениям власть готова пренебречь людьми, законами. Это её основной принцип функционирования. Сохраняется лишь видимость соблюдения правовых процедур. Если власть чувствует угрозу или корыстный интерес, то даже эта видимость становится иллюзорной. Арестовать, сшить дело и посадить человека ниче-

⁵⁵ Легалисты — сторонники законных методов (митинги, шествия, пикеты) сопротивления государству. Иллегалисты же используют такие средства, как саботаж техники, поджоги, взрывы и засады.

Одна из причин полемики — мнение части легалистов, что если бы не радикальные действия, то власть бы не прибегала к репрессиям против движения.

го практически не стоит. Я это утверждаю не только и не столько исходя из нашего дела, сколько из общей практики следственных органов, что видно изнутри невооружённым взглядом. А уголовные дела по 19 декабря ярко свидетельствуют, что власть готова на откровенный беспредел даже в условиях максимально пристального внимания общественности тут и на Западе. Такими же методами власть расправляется со всеми неугодными: коррупция, экономика, криминал — неважно. Лепят дела на одних показаниях, и вперед — на нары! Именно это пытался в своем последнем слове сказать Саша⁵⁶, но газетчики все переиначили.

В общем, пора кончать с легалистскими иллюзиями: бросаешь вызов власти — будь готов ответить по беспределу, а не по закону. Никаких правовых гарантий, когда задеваешь интересы государства, у тебя нет.

Хочу обратить внимание, что дело не в радикальных акциях, а в любых анархических мероприятиях, которые власть расценит, как подрывные. Конкретный пример — манифестация у Генштаба. Её признали хулиганским действием, и по ней выдали реальные сроки, причём дымовуха не стала чем-то определяющим. Сколько подобных шествий проводилось ранее! А теперь нет никакой уверенности, что за какое-нибудь граффити не будет возбуждено уголовное дело по хулиганке или даже повреждению имущества. Что уж говорить о серьёзных вещах вроде забастовки. Вся наша борьба проходит под занесённым серпом уголовного преследования.

Предатели и предательство.

К сожалению, идеи не являются гарантом порядочности человека. И пока сам человек не попал

56 Александр Францкевич.

в ситуацию выбора, о нём нельзя ничего однозначно утверждать. Каждый должен задать себе вопрос: «Готов ли я сесть в тюрьму?», «Готов ли я сидеть за убеждения и *не* за свои дела?», «Готов ли я не выдать своих товарищей ценой собственной неволи?», «Что мне важнее: свобода или честь?». Кто не может однозначно ответить, пусть отойдет в сторону и тихонько живёт своей жизнью: не нужно подставлять ни себя, ни других людей.

Из всей массы людей, прошедшей через допросы, известны четыре откровенных предателя: Захар, Арсен, Веткин, Бура (если ещё оправдывается, пусть закроет свою сучью пасть). Общественное отторжение — само собой разумеется, хотя этого, конечно, мало. Проблема в том, что кроме явных гадов были и те, кто «просто» ответил на вопросы Ментов и наверняка подписал бумагу о сотрудничестве. На дознании опера демонстрировали достаточно обширную осведомлённость. Подписать бумагу допустимо лишь в одном случае: чтобы выиграть время, уехать за бугор и раскрыться. Так сделал Денис и к нему нет претензий. Те, кто подписал и сохранил это в тайне, не имеют оправдания. Тайное станет явным, рано или поздно, и за все придётся ответить.

«Инди»медия.

Ни репрессии, ни собственные предпочтения не могут служить оправданием отказа от базовых принципов анархизма: плюрализма и демократичности. Действия Индимедии явились подлым актом отступничества в тяжёлый момент времени. На моей памяти впервые так сильно было подорвано доверие внутри движения. Парадоксальная ситуация: с одной стороны, коллектив Индимедии клеймил «provокаторов и радикалов», с другой

стороны — пытался возглавить кампанию солидарности. Это — полбеда. Ещё печальнее оказалось то, что значительная часть анархистов повелась на такую политику и даже горячо поддержала такие действия. Были и те, кто на словах Индимедию осудил, но продолжал использовать её как основную платформу в кампании солидарности. Многие и вовсе отмолчались. Нашлись и такие, кто понаписал статей, поплясав на костях радикалов.

Ещё осенью 2010 г. на avtonom.org вышла грамотная статья насчет Индимедии в целом. Там верно указан её главный недостаток: закрытый коллектив, подотчётный только самому себе, при этом выступающий в качестве новостной платформы для всего движения, как анархического, так и неавторитарных социальных инициатив. В итоге это всё привело к тому, что Индимедия считает себя вправе вести свою редакционную политику в пользу отдельных сегментов анархдвижения, которые соответствуют личным предпочтениям участников Индимедии. Казалось бы, можно заменить всю редакционную коллегию, но тут дело упирается в необходимость технической поддержки ресурса, а такие способности есть не у многих. Поэтому большинство решило просто закрыть глаза на проблему. Но так делать нельзя! Если что-то в корне неправильно, это нужно менять здесь и сейчас.

Платформа свободных новостей, предоставляемая организацией (той же АД), пусть и не идеал, но уже гораздо лучшее решение, так как редакционная группа отвечает перед членами организации. А Индимедия ни перед кем не отвечает и фактически является самостоятельной силой.

Моё категорическое мнение, как и Саши с Колей, — Индимедия превратилась в авторитарную

структуру, чуждую анархическому движению. Её дальнейшая эволюция приведёт её в социал-либеральный лагерь, модный в последнее время ширпотреба вроде Пиратской партии и т.п. Они нам не товарищи, как и те, кто их поддерживал и оправдывал и кто публично открестился от радикалов и инсуров⁵⁷. Бойкот.

Система.

Знакомство с судебно-следственной системой показывает, что наиболее выгодная модель поведения для обвиняемого — отказ от дачи показаний, для свидетелей — «не помню, затрудняюсь ответить». Дело в том, что показания всегда можно дать в суде уже после всех прочих показаний. Таким образом, остаётся пространство для манёвра. Даже отрицательные показания на предварительном следствии — это какая-никакая опора следоку, чтобы сшить дело. Он может подобрать или сфальсифицировать улики так, чтобы показания обвиняемого оказались неправдоподобными. Любая информация следоку и операм — это строительный материал для приговора. Именно поэтому менты так давят особенно в первые дни задержания. Ни слова! Пусть они всё знают. Плевать! Без протокола эти знания ничего не значат. В крайнем случае, если есть основания полагать, что из подозреваемого тебя переведут в обвиняемого, лучше уйти в отказ, но не врать. Пусть штрафуют, дают административные наказания, пусть даже дадут арест на пару месяцев — это всё лучше, чем сесть или способствовать посадке кого-либо ещё. Если давят на то, чтобы «вспомнили», прессуют, можно

⁵⁷ Инсурекционисты — люди, использующие взрывы, поджоги, похищения и засады в качестве основного метода борьбы с существующей политической системой.

контратаковать: «не принуждайте к даче заведомо ложных показаний». Это умерит пыл Ментов, они будут больше опасаться проверки и подумают дважды. В деле было пару моментов, когда некоторые опознания можно было не делать. Это я не в упрек,— кто ж знал! — а на будущее. Любые слова, любые протоколы дают шансы Ментам и забирают шансы у товарищей. В крайнем случае всегда можно пострадать самому, зато совесть будет чиста. Смысл в том, чтобы каратели привыкли, что без серьёзных улик к нам соваться не стоит. Исправить ошибки уже нельзя. В суде все видели, что даже массовый отказ от ранее данных показаний ничего не дал. Суд квалифицирует это как хочет, а хочет он известно как: как хотят Менты.

Безопасность.

Как оказалось, уровень информационной безопасности не так уж плох. По крайней мере, по сравнению с оппозицией. Её, по моему впечатлению, читали как открытую книгу. В нашем случае критической информацией оказалась та, что добыли традиционно, благодаря человеческому фактору (предательству). Тем не менее, ситуация далека от желаемой.

Ключевое — это мобильная связь. Через историю звонков опера раскручивают весь клубок социальных связей. Так они знали, кого задержать в первую очередь. По телефону определяется не только сеть, но и местоположение, вплоть до дома. Один единственный звонок или активизация в сети могут дорого обойтись. В качестве примера можно привести Веткина, который, как оказалось, включал телефон в непосредственной близости от посольства и банка.

Мобильников должно быть несколько для разных кругов общения. Симки — левые, т.е. зарегистрированные даже не на знакомых, а на совсем посторонних людей. Имеет смысл одновременная смена симок и аппаратов (или перепрошивка) сразу целой группой. Собираясь на конспиративных местах, отключайте телефон. Заблаговременно, чтобы не засветить место большой концентрацией «сомнительных» номеров. И всегда помните: любое включение телефона — это след!

Пользуясь Интернетом, не забывайте про IP — используйте Tor не только при доступе к специфическим сайтам, но и при палевных запросах в поисковике. Лучше всего вообще разделить доступ в сеть на бытовой и политический. Для политического можно выделить отдельный нет-бук/планшет с подключением Wi-Fi или 3G-фишек для беспроводного доступа. Это позволит перестраховаться и обеспечит мобильность средств коммуникации в политической активности.

После первых арестов было необходимо затереть любые следы на компьютерах, флэшках, винчестерах. Увы, хоть в целом всё и было устранено, ряд мелочей оказались неучтённым. Например, учётная запись на ютубе, с которой размещалось видео по Генштабу, само это видео в хорошем качестве (с которого, кстати, и опознали ряд людей, винчестер с восстановленной информацией с мелкими следами доступа к сайту несчастной новополюцкой администрации (надо было пройтись низкоуровневым форматированием, программа Eraser)).

Архивы TrueCrypt не взломали. В материалах дела специалист сетовал, что даже восьмизначный пароль создает более 32 трлн. комбинаций, что слишком много даже для высокопроизводитель-

ных систем. Однако следак намекнул, что эти архивы только официально не взломаны. Может хотел проверить реакцию, а может и нет. Насчёт скайпа ничего достоверно узнать не удалось: ни в деле, ни в словах оперов ничего не прозвучало. По моим наблюдениям, история скайп-чатов в уголовных делах фигурирует частенько, причём некоторые утверждали, что сохранение истории отключали. Мне кажется, что лучше перейти на альтернативные ip-телефонии без центральных серверов.

Всё-таки ряд паролей от ящиков они достали. То ли пароли оказались слабыми, то ли стоял автовод. Лёгких паролей и тем более автовода быть не должно в принципе. То же самое касается и почтовиков. Не используйте их для активистских e-мейлов. Переписка не должна храниться на жёстком диске. Сверхважную переписку вообще нужно вести со специально созданного для этой цели аккаунта (ов), чтобы, в случае чего, о его существовании никто и не знал.

Всегда и везде отключайте историю посещений, Cookies и т.п. По возможности используйте виртуальную клавиатуру. Это нейтрализует шпионский Троян Keylogger, который запоминает нажатие клавиш. Для перестраховки можно использовать специальные браузеры и поисковики, не оставляющие следов. В частности, одна из разновидностей Firefox заточена именно так.

Я перечислил множество известных вещей. Многие пренебрегли рядом из них, хотя имели в запасе время. В итоге это сыграло весомую роль в обвинении. Пусть об этом помнит каждый.

Теперь хочу сказать о некоторых других криминальных аспектах. Отпечатки пальцев — это прошлый век. Сейчас опознание производят по ДНК,

находящейся в слюне, выделениях потовых желез, эпителии (кожные клетки), не говоря уже о крови и волосах. Веткин спалился на перчатках со следами пота и эпителия, которые он оставил где-то во дворах неподалеку от посольства. К этому добавились сигналы его мобильного. Вот такая картина. В деле исследовались предметы с мест акций: окурки, бутылки, стекла, зажигалки. На файере возле ИВС нашли следы пота Димы, хотя ни отпечатков, ни эпителия там не оказалось. Короче, даже случайный волос или плевок может оказаться фатальным. Мало того, оказывается, и воздух из помещения тоже берут на анализ, ведь пот испаряется.

В самом ближайшем будущем, плавно перетекающем в настоящее, нам придется столкнуться с куда более серьёзными вызовами. С ростом значения социальных сетей и интерактивного Интернета в целом всё активнее развиваются программы автоматизированного сбора данных. Параллельно, огромного успеха достигли программы по распознаванию лица человека. Так, эти программы могут по случайным кадрам с камер видеонаблюдения найти человека по фотографиям в открытом доступе, например, в тех же социальных сетях. С учётом резкого увеличения количества и качества городских видеокамер наблюдения (плюс оперативная съёмка) перспективы выглядят следующим образом: в скором времени полицейские системы слежения и анализа будут способны с высокой долей вероятности выдавать поимённый список участников массовых акций с полным профилем на каждого. Паспортные данные, социальные связи, места встреч, маршруты передвижения, аккаунты в сети, интересы и т.д. и т.п. Уже существуют компании,

специализирующиеся на создании профилей соискателей вакансий при трудоустройстве в корпорациях. И это уже не футуристический сюжет.

Структура и человеческий фактор.

Анализируя следственную систему, я пришел к выводу, что улики, следователи и суд — вещи второстепенные. Главный враг — это опер и любые следы, которыми он может воспользоваться для своих умозаключений. Если опера что-то пронюхали, то упаковать человека — дело техники. Они всё равно найдут зацепки или сфальсифицируют их. Единственный способ избежать их внимания — анонимность. Мое предложение сводится к трём пунктам:

Активист анархистского движения должен принять правила безопасности за личную культуру поведения. Политическое alter ego не должно быть связано с конкретным физическим лицом. Так как успех нашей борьбы напрямую зависит от функционирования наших информационных систем и безопасного пребывания во вражеских и нейтральных системах, мы волей-неволей должны двигаться к уровню хакерских групп. Устойчивость хактивистских коллективов вроде Anonymous — убедительное тому подтверждение;

Для распространения наших идей жизненно важно, с одной стороны, создавать качественный медиа-контент (аудио, видео, изображения, полифония, веб-верстка), с другой стороны, изучать и внедрять законы грамотной подачи и эффективного восприятия информации. Мне довелось общаться с профессиональными политтехнологами, и, честно говоря, у нас нет грамотного подхода к таким вещам. Мы даже не знаем, как делается обычный плакат, не говоря уже обо всем остальном. Не-

обходимо изучать эти технологии и выбирать то, что не противоречит анархическим принципам.

Структура движения должна базироваться на автономных группах. Большинство участников движения не должно знать друг друга на уровне «где живет, где работает/учится». Это позволяет снизить критичность человеческого фактора (предательства) до размеров одной группы. Открытое состояние большей доли движения или полуоткрытый статус организации — это троянский конь. Невозможно сохранить нормальное функционирование в случае репрессий. Открытость неизбежно приводит к попаданию «под колпак», такое положение нельзя назвать жизнеспособным. Опыт нашего дела отчетливо демонстрирует, как ментам дважды удалось влезть во внутренние рассылки, что привело к полному параличу движения.

Личный выбор.

Все мы хотим кем-то стать, чего-то добиться на личном поприще, и к этому нужно стремиться. Но, одновременно, вся наша жизнь может перевернуться в один момент. Перспективы тюрьмы всегда рядом. Если такой момент настанет — не сокрушайтесь. Теряя одно, приобретаете иные вещи и ценный опыт. В тюрьме жизнь не заканчивается, она течёт по-другому. Рано или поздно срок закончится и впереди будут новые возможности и планы, о которых, быть может, без тюрьмы никто бы не узнал.

Ни о чём не жалеть и стремиться вперед, без всяких компромиссов.

Да здравствует Социальная Революция!

Да будет Анархия!

Весна 2012 г.

*Per aspera ad astra*⁵³

(По мотивам «*Ultima verba*»⁵⁴ В. Гюго)

Убита совесть! Власть, довольная расправой,
С улыбкой торжества снимает телешоу:
«Вандалы, отморозки, пятая колонна!
Стабильность подорвали, глумятся над страной».

Краснея в бездне лжи, стяжательства и блуда,
Судья твердит: «ЗАКОН», кивают в такт менты.
Но, если захотеть, за наглым их хлебалом
Нетрудно рассмотреть крысиные хвосты.

Ничем не дорожа, попраля волчья стая
Долг, добродетель, честь, спустив с цепей террор.
Народ уже раздела одною хищной лапой,
В другой она сжимает палаческий топор!

Народ отринул всё, чтоб угодить тирану.
За чарку-шкварку млеют в пламенной любви.
Не удивляйтесь! Им газетой и стаканом
За несколько веков прочистили мозги.

Камрад! Пусть беспредел, легавыми творимый,
Смешал добро со злом, с героем — подлеца.
Что двинуло тебя сражаться до конца?
К лишениям призвать уже никто не вправе,
И жизнь спокойную вполне ты мог оставить.
Но счастьем личному, любимой и семье
Ты верность предпочёл друзьям,
себе,
мечте!

53 Через тернии к звёздам (лат.)

54 Заключительные слова (лат.)

Товарищи мои! Мы цели небывалой,
Анархии верны! И наша крепнет связь!
Всё, что теперь грязнят, — мы увенчаем славой.
Всё то, что чтут рабы, — мы ниспровергнем в грязь.
О, Беларусь! Пока в восторге самовластья
Купается злодей со свитой подлецов,
Тебя мне не видать, край горести и счастья,
Где был воспитан я в любви своих отцов!

Не видеть мне друзей, и нет того болючей,
Не петь нам у костра, как раньше, всей гурьбой.
Тяжка моя печаль за проволокой колючей
С изодранной в клочки, как рубище, душой...

Но даже за решёткой, под массой угнетенья,
Греметь я буду: «НЕТ!» — ведь так велит мне долг.
Здесь холод, ветер, смерть, тут море озлобленья,
Но мой не сломлен дух, и гнев мой не умолк!

На зоне заключение я с мужеством приемлю,
Хоть не видать ему ни края, ни конца...
И если силы зла всю завоюют Землю
И закрадётся страх в отважные сердца,

Не поколеблюсь! Я побеждён не буду!
Моих не видеть слез тебе, враждебный мир.
Со мной дух Равенства, со мной алтарь Свободы.
Вы, верности мои гранитные столпы.
Я буду и тогда Анархии солдатом!
Меж тысячи бойцов я непоколебим.
В десятке смельчаков я встану в строй десятым,
Останется один — клянусь, я буду им!

Весна 2012 г.

Послесловие

С того момента, как арестовали Игоря и других минских анархистов, прошло уже более трёх лет.

За это время изменилось многое: правозащитные организации признали анархистов политическими заключёнными (удивительно, но у них даже нашлись покровители среди европейских парламентариев); президент помиловал и освободил уже более 30 политических заключённых под давлением Евросоюза...

Изменилось всё, кроме одного — кроме убеждений заключённых ребят.

По всей видимости, именно это способствует тому, что их не прекращают угнетать в тюрьме.

Получить представление о функционировании тюремной системы без труда можно из дневника Игоря и его эссе на эту тему.

Игорь больше 6-ти месяцев провел в СИЗО КГБ, а после вступления в силу приговора был этапирован в исправительную колонию в г. Новополоцк на севере страны. Она находится между двумя заводами — «Нафтан» и «Полимир», — которые считаются самыми ядовитыми в городе. Естественно, это отрицательно сказывается на здоровье осуждённых, и так не избалованных свежим воздухом. Трудно себе представить, как заключённые могут перенести длительные сроки заключения в этой колонии.

Стоит отметить, что всем заключённым анархистам возможная сумма на приобретение товаров первой необходимости в колонии была урезана

до 1 базовой величины (около 13 долларов) в месяц. Для сравнения, на эти деньги можно купить 10 банок сгущёнки или сотню конвертов.

Некоторых заключённых, в частности Николая Дедка, Игоря Олиневича, Артема Прокопенко, лишают свиданий с родственниками. Например, последний раз Николай виделся с родными в декабре 2012 года.

Зачастую формальным нарушением считается отказ от уборки помещений ШИЗО⁵⁸, туалетов, внутренних двориков и т.д. В этом случае администрация колонии использует издавна сложившуюся социальную систему заключённых, в которой выполнять подобную работу положено только т.н. «опущенным». Заключённых ставят перед выбором: или получить взыскание, или пополнить ряды низшей тюремной касты.

Распространённой мерой взыскания является также лишение передач. Обычно заключённому полагается 3–4 передачи по 30 кг каждая в течение года. Можно себе представить, как сказывается лишение этого мизерного количества продуктов, да ещё в сочетании с ограниченной суммой отоварки.

Провокации со стороны других заключённых являются ещё одним эффективным методом воздействия на анархистов. Известно, что администрация колонии настраивала заключённых против Александра Францкевича, запрещала с ним общаться, распространяла слухи о том, что он «стушит» администрации.

Все политзаключённые на данный момент признаны злостными нарушителями порядка. Некоторым анархистам, в частности Игорю Олиневичу

58 Штрафной изолятор

и Николаю Дедку, присваивают характеристики «склонен к побегу», «склонен к суициду», «склонен к захвату заложников». На первый взгляд, эти характеристики никак не влияют на повседневную жизнь заключённых, кроме запрета на выход за пределы своего отряда. Однако в экстремальных ситуациях они играют на руку администрации: к примеру, самоубийство заключённого, имеющего в личном деле отметку «склонный к суициду», можно успешно инсценировать; будет правомерно открыть огонь по заключённому, «склонному к побегу» или устроить провокацию против «склонного к захвату заложников».

«Звание» злостного нарушителя влияет не только на условия жизни самого заключённого — с такой характеристикой можно даже не надеяться на замену наказания более мягким или на условно-досрочное освобождение.

Когда методы всевозможных лишений и отрицательных характеристик исчерпаны, в ход идет изоляция заключённых. Все анархисты многократно водворялись в карцер, а Николай Дедок и вовсе был помещен на 6 месяцев в одиночную камеру. Впоследствии он был переведен в тюрьму строгого режима.

Выше описана общая практика применения различных видов давления на политзаключённых. В большинстве случаев подобное предвзятое отношение к ним диктуется сверху. Однако все анархисты заявляли, что подобные методы используются также и против обычных заключённых, которые борются за свои права изнутри. Это подтверждает и Игорь в своем дневнике.

Отдельно хочется отметить дело об атаке на КГБ в г. Бобруйске. Фигурантов этой акции

правозащитные организации политическими заключёнными не признали, т.к. усмотрели насильственную направленность в их действиях, однако согласились с тем, что приговор был политически мотивирован и подлежит пересмотру. Интересно, что сами же власти включили участников акции в список политзаключённых, начав давление на «бобруйскую тройку» с целью получения от них прошения о помиловании. Написать его согласился Павел Сыромолотов — он был освобождён в сентябре 2012 года. Артём Прокопенко и Евгений Васькович на данный момент последовательно отказываются подписывать прошение, несмотря на уговоры родных. Евгений Васькович ещё в прошлом году был переведён в тюрьму строгого режима за отказ выполнять требования администрации колонии. Артём Прокопенко какое-то время голодал по причине того, что не мог себе готовить вегетарианскую еду из-за смены режима работы.

Следует понимать, что беларуская тюрьма призвана «исправить» преступника. Если человек не встаёт на путь исправления и пагубно влияет на других заключённых, систематически нарушает правила внутреннего распорядка, то на него могут завести новое уголовное дело по ст. 411 УК РБ («Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения»), которое предусматривает дополнительное лишение свободы сроком до 1 года. Прецедент уже есть: в августе 2012 г. на год продлили срок наказания политзаключённому Дмитрию Дашкевичу. Достаточно одной команды сверху, чтобы бесконечно продлевать наказание «неудобным». Анархисты не только не признали вины, но и не намерены отказываться

от своих убеждений. Следовательно, они априори не могут встать на путь исправления.

Именно поэтому не стоит думать, что борьба наших товарищей закончилась на свободе — борьба с системой изнутри требует нечеловеческих усилий и полной мобилизации сил. Им как воздух необходима наша поддержка, как моральная, так и реальная. Тот факт, что под давлением общественности и Евросоюза была освобождена большая часть политзаключённых в Беларуси, свидетельствует о том, что нельзя бросать начатое на полпути — постоянное давление на систему должно осуществляться непрерывно. Наше сопротивление ещё раз докажет, что борьба тех, кто сейчас за решёткой, была ненепрасной.

АЧК-Беларусь

Анархический Чёрный Крест

Анархический Чёрный Крест – это сеть активистов, занимающихся поддержкой репрессированных анархистов, антиавторитарных экологов, зоозащитников, антифашистов и других людей, которых преследуют за их политическую деятельность или за поступки, которые не противоречат идеалам анархизма.

На сайтах АЧК можно найти адреса заключённых, рекомендации к написанию писем, советы по активистской безопасности и другую полезную информацию.

АЧК-Беларусь

www.abc-belarus.org
belarus_abc@riseup.net

АЧК-Москва

www.avtonom.org/abc
abc-msk@riseup.net

Если вы хотите помочь активистам, попавшим в беду, материально, но по каким-то причинам не можете или не хотите сотрудничать с АЧК, мы рекомендуем вам периодически откладывать часть денег, например 5-20 долларов (в зависимости от ваших доходов) на чёрный день. Ни в коем случае не тратьте эти деньги на развлечения. Пускай это будет неприкосновенный запас. Если кто-то из товарищей попадёт в беду – его друзья обязательно организуют сбор денег. У вас на руках будет значительная сумма, и вы сразу сможете направить свои деньги определённому человеку. Не забывайте, что в руки полиции может попасть каждый, и, может быть, вы откладываете эти деньги для себя.

Я считаю, что лучшая солидарность – это новости о развитии и успехах движения. Таким образом, для себя подтверждается, ради чего, собственно, старались.

*Игорь Олинович
Зима 2013*